

Евгений Ткаченко

ЗА РЯБЧИКАМИ

и другие рассказы

Евгений Ткаченко

За рябчиками.

И другие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17208658

ISBN 9785447452742

Аннотация

Эта книга о жизни, вере и любви. Темы бесконечны и всегда интересны. С высоты прожитых лет дорога жизни видна иначе. Видишь то, что было скрыто от глаз, когда шел, причинно-следственные связи, трансформацию жизненных ценностей во времени и свое место в этом мире.

Содержание

От автора	5
Рассказы	7
Налим	7
Несостоявшийся гений шашек	17
Крестик	25
Детское счастье	32
Уточка	38
Гадюка	48
Физкультура и жизнь	52
И один в поле воин	58
Нева	68
Побывка	77
О памяти	92
Деревня Сологубовка	101
Деревенская речка	115
Синявинские карьеры	136
Конец ознакомительного фрагмента.	141

За рябчиками И другие рассказы

Евгений Ткаченко

© Евгений Ткаченко, 2019

ISBN 978-5-4474-5274-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Все мои рассказы разбросаны по книжкам, в которых всего понемногу: может быть и повесть, и воспоминания, и размышления. Где-то я делал это сознательно. Определенный жанровый винегрет в книгах мне нравится – лучше понимаешь автора, его диапазон и глубину мировосприятия.

Получилось так, что некоторые рассказы никуда не вошли как, например: «Физкультура и жизнь», «Жизнь ветерана», «Бабушкины сказки», «Школа жизни», «Деревенская речка», «За рябчиками» и «Старые фотографии».

Достаточно оказалось и таких которые, имея удачный сюжет, написаны были невыразительно, пришлось переделать как «Крестик», «Юбилей» и «Одиночество». Некоторые же переработаны настолько основательно, что даже пришлось изменить название – это «Детское счастье», «И один в поле воин», «Тяжелый крест», «Путь к вере», «Сема», или «Красноярские столбы». Мелкие доработки коснулись почти всех рассказов.

Возникла необходимость собрать часть рассказов в одну книгу. Что я и сделал.

Получилась книга о жизни, вере и любви. Темы бесконечны и всегда интересны. Все это я писал в очень зрелом возрасте и уже видел то, что было скрыто от глаз, когда по своей дороге жизни шел, видел причинно-следственные связи,

трансформацию жизненных ценностей во времени и с возрастом, и еще свое место в этом мире.

Уверен, несмотря на то, что описываемые в рассказах события происходили во второй половине двадцатого века, книга должна заинтересовать и современного читателя.

Рассказы

Налим

Просыпаюсь от жужжания назойливых мух, и первое, что ощущаю, это аромат свежего сена. Тут дух перехватывает от радости и счастья, ведь я в деревне и это первые мои школьные летние каникулы. Я окончил начальную школу и на целое лето приехал к бабушке. В предвкушении волшебного летнего дня открываю глаза, и... волшебное вот оно, рядом. Солнечные лучики, пробиваясь в маленькие щели крыши, пронизывают все пространство полутемного чердака, выхватывая пятнами света самые неожиданные его фрагменты, и представляют обычный чердак в фантастическом виде. Особенно красиво светятся паучьи сети, которые развешаны старательными чердачными паучками под каждым стропилом. Они поражают своими размерами и, главное, удивительной геометрией. Паучков я считаю своими друзьями ведь они ловят сетями противных мух, которые мешают спать, особенно утром.

Сладостно тянусь, отходя ото сна, тут вдруг окончательно просыпаюсь и резко сажусь на своем ватном одеяле, брошенном прямо на громадную копну сена. Сознание вернулось полностью, и я понял, что проспал. Ведь с вечера до-

говорился с деревенскими мальчишками, что в шесть часов утра встречаемся на речке у моста.

Вечером мельник сказал нам, что будет поднимать шлюзы. А это значит, что вода в речке, что выше плотины, за ночь уйдет и на берегу образуются лужи, в которых останется много дремавшей и зазевавшейся рыбы. Конечно, крупную Мельник соберет еще затемно, но мелких щурят, окушков и плотвиц он не берет и оставляет для нас, мальчишек. Мельник – это старый дед, который надзирает за динамо-машиной, дающей электроэнергию в деревню. Мельником его называют потому, что когда-то здесь была мельница, и он был ее хозяином. Мельник старый, и мы знаем, что порой пропускает он и крупную рыбу.

Однако расстройство мое длилось одно мгновение и быстро улетучилось. Я заранее понимал, что в борьбе с местными мальчишками за эту рыбу мне особо и не достанется. Поэтому вчера вечером к ловле подготовился, но только на удочку. Удочка налажена, и в ручье наловлено полбанки шитиков – рыба их очень уважает, наверное, это личинки маленьких стрекозок. Забавное существо – этот шитик. На вид – обычная серенькая гусеница, только почему-то живет в воде и строит себе панцирь, наподобие черепашьего из крупных песчинок, мелких обломков коры и веток. Смотришь на дно ручья, а там ползет себе кусочек гнилой веточки. Берешь ее, а внутри – шитик. Кроме этого сходил вчера на ферму и накопал в навозе живеньких красных червячков. Даже вечером

не поленился и сделал садок для рыбы. На самом деле – это гибкий ивовый прут с обрезанной внизу веткой в виде крючка. В жаркий день он необходим, поскольку сохраняет рыбу свежей и даже живой. Пойманная рыба нанизывается через жабру и рот на прутик и опускается в воду. В общем, к рыбалке я подготовлен основательно.

Мельник шлюзы, конечно, уже опустил; вода поднялась, и рыба давно ушла в реку. Но сейчас самый раз половить на удочку под плотиной, а там приличной глубины ямы, а в них водятся и окуни, и голавли и плотва. И вся-то рыба в этой речке какая-то ядреная, с темными, почти черными спинками и красными яркими плавниками, наверное, потому что вода в речке чистая, но коричневого цвета, поскольку бежит из болот. Если, например, попадается ерш, то уж он уникален и по своим размерам, и по выпученным в постоянном недоумении громадным фиолетовым глазам, и, конечно, по количеству выпускаемой слизи.

Спускаюсь по чердачной лестнице и уже в прихожей слышу шум самовара. Захожу в комнату. За столом, у самовара сидит бабушка в своей обычной задумчивой позе: в правой руке блюдечко с горячим – горячим чаем, левой она поддерживает правую руку под локоток. Время от времени левая рука освобождает локоток правой и тянется к конфетнице, берет маленькую конфетку-подушечку и кладет ее в рот. Я говорю:

– Здравствуй бабушка.

Бабушка моя, маленькая, сухонькая и сутулая, смотрит на меня своими совсем выцветшими от времени глазами и, поправляя платок на голове, отвечает:

– Здравствуй, внучек. Маленько проспал, ну да ничего.

Продолжая прихлебывать чай, спрашивает:

– Миша, пшенку с молоком будешь?

– Буду – отвечаю я.

Тем временем стреляю глазами на ходики, которые висят на стене и определяю, что уже восемь утра.

– Чугунок в печи, там и ложка. Положи себе, сколько съешь. А на столе вон яичко. Сварено не крутым, в мешочке, как ты любишь.

Я поблагодарил, быстро поел и выскочил во двор. Яркое солнце на мгновение ослепило и притормозило меня, заставив некоторое время понаблюдать за удивительной, бурной жизнью, которая происходила на территории двора и которая существовала сама по себе, совсем не принимая меня во внимание.

Минут пять я стоял на крыльце, с интересом наблюдая эту дворовую жизнь. У самого крыльца в цветах копошились деловые пчелки. В глубине двора над лопухами причудливо моталось в своем хаотическом танце сразу несколько бабочек-капустниц. Курицы глупо и тупо прохаживались, ковырялись в земле, время от времени наклоняя свои головки, пытаясь рассмотреть что-то подробнее. Между ними шнырял деловой пестрый петух с полубщипаным хво-

стом. Должно быть, отношения с соседским петухом у него не очень ладились. Время от времени петух изображал, что нашел что-то вкусное, отчаянно рыл землю и кудахтаньем созывал подружек. Куры бежали к нему сломя головы со всех сторон, но уже через десяток секунд, не найдя ничего недовольно квохча, расходились. Через минуту-две петух снова ловил их на эту же тюльку, и они так же отчаянно сбегались. Эти забавные отношения продолжались и продолжались. Я перевел взгляд на кота, который сидел на поленице, жмурился на солнце, время от времени лениво тер лапой морду и, так же как куры, не обращал на меня ни малейшего внимания.

Зашел в сарай, взял удочку, старую потертую кошелку, в которую с вечера сложил баночки с наживкой, и быстро зашагал по направлению к плотине самым коротким путем, задом. Шел я и по пути жалел, что до сих пор не приехал сосед Шурка. Одному скучно, вот и на рыбалку приходится идти одному, а тут еще тропинка к плотине идет через деревенское кладбище, и здесь одному ходить совсем не уютно, а вечером даже и страшно. Хорошо, что кладбище небольшое, и если зажмурить глаза и по тропинке побежать, то не заметишь как его и пересечешь.

Спускаюсь под плотину. Конечно, шлюзы давно опущены, и только в щели струйками сочиться вода. А когда шлюзы опущены, уровень воды под плотиной падает почти на метр, и появляется там из под воды целый полуостров из извест-

няковых плит. Рыбаков с удочками я не вижу, но по плитам полуострова бегают два мальчика в тубетейках с сачком для ловли бабочек. Мальчики меньше меня; явно городские и бабочек сачком они не ловят, а ковыряются им в лужах, между плитами, должно быть, пытаются поймать мелкую рыбешку. Я иду к самой глубокой яме, которая находится у правого берега у стены из плитняка, отгораживающей канал для сброса воды от речки. Размотал удочку, насадил червя и только забросил, как слышу, сзади кто-то подошел. Оборачиваюсь, стоит мальчик, один из тех, что бегал по полуострову. Руки сзади, смотрит внимательно мне в глаза:

– Мальчик, а тебя как звать?

Отвечаю:

– Миша.

– А меня Саша.

– Миша, а ты большую лыбу можешь поймать?

– Клонет, поймаю, – ответил я.

– А большую, челную лыбу не боишься?

– Налима, что ли? – спросил я.

– Нет, не боюсь.

Саша с недоверием смотрит на меня, потом показывает пальцем в сторону полуострова:

– Там, под камнем, сидит во-о-т такая лыбина!

Мальчик расставляет свои руки на всю ширину.

– Миша помоги нам ее поймать!

Я кладу удочку и иду за Сашей. Вижу, второй мальчик

стоит на коленях на плите и не отрываясь смотрит в воду, почти касаясь носом ее поверхности. Услышав, что мы подходим, он поднимается и громким шепотом говорит:

– Сашка, Сашка, он там злится и шевелит головой.

Я наклонился и стал смотреть в воду. Из-под плиты на глубине сантиметров тридцати торчала черная морда налима размером с хороший ботинок. Сердце мое от волнения заколотилось, а в животе появился холодок. Быстро распрямился и стал оценивать обстановку. Налим сидел в глубокой луже, под метровой плитой, а из лужи в реку вела протока шириной с полметра и длиной с метр. Быстро сообразил, что налим поймать можно только руками, но он скользкий, и если вырвется, то по этой протоке легко уйдет в реку.

– Пацаны, – сказал я, – таскаем камни и засыпаем эту протоку.

Работа закипела. Минут через пять дамба надежно прикрывала отход рыбины в реку. Я снял рубашку и попытался взять налима правой рукой под жабры. Должно быть, от волнения я слишком быстро подводил свою руку к налиму. Он не дался, мощно ворохнулся и ушел под плиту. Пришлось лечь в лужу и запустить под плиту обе руки по самые плечи. К счастью, пространства там для налима было немного, я его доставал и в какой-то момент изловчился запустить пальцы обеих рук под жабры. Рыбина, конечно, была великовата для меня, отчаянно сопротивлялась, исцарапала в кровь мои руки об камни. Я же, войдя в азарт, ничего не замечал и, выта-

щив налима из-под плиты, потихоньку пошел к берегу, продолжая держать его мертвой хваткой за жабры обеими руками. Сашка радостно скакал рядом, в одной руке держал мою рубашку, а другой иногда дотрагивался рукой до налима и, когда тот дергался, быстро прятал руку за спину. Второго мальчишки не было, он куда-то незаметно исчез.

С такой громадной рыбой, таким трудом пойманной, расставаться не хотелось, и когда мы дошли до тропинки на берегу, я считал, что раз я ее поймал, то она моя.

– Сашка, – сказал я, – давай эта рыба будет моей, ведь это я ее поймал. А мы с тобой будем ловить на мою удочку, и все что поймаем, будет твое.

В ответ на мое предложение на глазах у Сашки появились слезы, а нижняя губа задрожала. Вдруг со стороны плотины послышался крик:

– Баба Тося! Баба Тося! Вон наша рыбина! Вон какую мы поймали!

Сверху по тропинке шел второй, неожиданно исчезнувший мальчик и буквально волок за руку к нам здоровенную тетку. Сашка, как только увидел их, тут же кинулся навстречу с криком:

– Баба Тося! Это я поймал! Это я!

Я стоял, крепко держал рыбу за жабры и был в каком-то оглушенном состоянии. Тетка подошла, посмотрела на меня строгим взглядом, отобрала налима, развернулась и пошла назад в окружении прыгающих и галдящих вокруг нее маль-

чишек.

Мне было тяжело дышать, душила обида, на глаза навернулись слезы. Потихоньку собрался и вдруг быстро побежал домой, задыхаясь от обиды и почти ничего не различая из-за слез в глазах. Вбегаю во двор, а там бабушка, как всегда, в передничке, кормит кур. Я бросаю на ходу удочку в траву, утыкаюсь бабушке в передник и даю волю слезам. Выплеснув эмоции, комментирую свое состояние:

– Бабушка! Я поймал громадного налима, а у меня его отняли.

Для убедительности расставляю руки во всю ширь, демонстрируя истинную величину утраченной рыбы.

– Да как же ты его поймал такого? – спрашивает бабушка.

И я сбивчиво начинаю рассказывать, как забросил удочку, как подошел ко мне маленький мальчик, и как попросил помочь поймать налима, и как это было непросто, и как мне налимом исцарапал все руки. А потом пришла злая тетка и налима у меня отняла.

– Глянь какой! И правильно отняла. Налим-то не твой, – сказала бабушка.

– А нашел бы его большой парень? И что? Он бы тебя звал? Поймал бы сам, ты бы и не знал.

Я перестал плакать, успокоился. До меня окончательно дошло то, что и так сидело в глубине души. Дошло, что пытался я претендовать не на свою добычу. Первый порыв был – вернуться к плотине и продолжить ловлю, но остава-

лась обида на грубость тетки. Я подобрал в траве удочку с кошелкой и пошел на речку ловить пескарей.

Несостоявшийся гений шашек

Однажды, когда мне только исполнилось семь лет, отец купил шашки и объяснил правила игры. Я так увлекся, что гулять ходил только с шашками. Через месяц играть со мной никто во дворе не хотел. Я обыгрывал всех, даже взрослых школьников. Внутри постоянно сидел зуд играть, а партнеров не было. Однажды вечером, когда отец пришел с работы, попросил его поиграть со мной, но отец отказался и сказал, что ни в какие игры не играет, что он всегда занят и свободного времени у него нет. Я, конечно, огорчился. А буквально через день, в воскресенье, к нам зашел сосед, Василий Иванович, с шахматами под мышкой.

Надо заметить, что личность эта была легендарная. Люди относились к нему с подчеркнутым уважением, хотя и знали, что он много пьет. Василий Иванович сильно от всех отличался. Он никогда не матерился, говорил культурным, сложным языком и не пил с дворовыми мужиками. Внешне, правда, слегка походил на чучело: взъерошенный, плохо выбритый, сутулый, хромо́й, с немного выпученными, как бы удивляющимися всему глазами, но при этом в костюме и часто при галстуке. Удивительно, но, несмотря на любовь к водке, пьяным его никто никогда не видел. Пил он дома, только со своей женой, такой же любительницей выпить. Говорили, что у него высшее образование, что до войны он работал ин-

женером в Москве, имел жену и ребенка. В войну, на фронте, ему перебило ноги, он попал в плен, а жене пришла похоронка. После плена узнал, что его жена замужем, и в Москву не поехал. Запил, встретил Марфу, ставшую его верной собутыльницей, и расписался с ней. Было у Василия Ивановича три страсти: понятно, что водка, а еще футбол и шахматы. Две он утолял легко. Собутыльница-подруга – всегда рядом, а футбол волновал многих, и найти уши, в которые можно выплеснуть эмоции по поводу прошедшего футбольного тура, проблем не составляло. С шахматами было сложнее, самая интеллектуальная игра во дворе – домино. Иногда с ним садились играть школьники, но он быстро их обыгрывал и, расстроенный, уходил домой.

Так вот, зайдя к нам, тут же с порога он заявил:

– Анатолий, как я раньше-то не догадался, ты же умный человек и должен играть в шахматы! Представь, мучаюсь: играть не с кем, умеют только в домино. Сгоняем партию?

Отец с улыбкой смотрит на него:

– Извини, Василий, не могу. Я не играю ни во что, даже в домино.

Возникла пауза. Отец явно чувствовал неловкость. Вдруг он спохватился:

– Слушай, Василий Иванович, сыграй с сыном в шашки. Он тоже мучается, не может найти соперников.

Только тут, медленно опустив грустные глаза, дядя Вася увидел меня, робко стоявшего в дверях комнаты.

– Ну что ты, Анатолий Иванович, так шутишь? Я с маленькими детьми играть не могу. Это смешно.

– Почему не можешь, что мешает? Попробуй, – сказал отец.

– А ведь действительно! – вдруг задорно воскликнул Василий Иванович.

– Неси, Женя, свои шашки, – обратился он ко мне.

Я бегом кинулся в свою комнату. Принес. Разложил картонную доску на журнальном столике и, быстро расставив шашки, стал рядом, весь в волнении, по стойке смирно.

Дядя Вася сел на диван. Стоя у столика, ростом я едва доставал ему до плеча.

– Ну что, Евгений, твои белые, и давай я тебе дам фору, чтоб мне было интереснее? – сказал он.

– Не надо, не надо! – запротестовал я.

– Ну, как хочешь, – ответил Василий Иванович. – Твой ход.

Я быстро сделал первый ход. Проиграть я не боялся. Радость оттого, что такой уважаемый дядя играет со мной, затмевала все, даже возможность проигрыша. С третьего-четвертого хода дядя Вася стал задумываться. Мне же было все ясно, и я в нетерпении переминался с ноги на ногу, делал свои ходы мгновенно и не понимал, о чем можно так долго думать. Уже через несколько минут черных шашек на доске сильно поубавилось.

Отец стоял за моей спиной и наблюдал за нашим по-

единком. После того как Василий Иванович нервно смахнул шашки с доски со словами: «Ну, это случайно. Я тут в самом начале зевнул», отец прокомментировал ситуацию:

– Ну вот, Василий, а ты хотел еще и фору давать.

Василий Иванович не ответил, а обратился ко мне:

– Расставь шашки. Твои снова белые.

Я расставил, и мы начали вторую партию. Я ходил, почти не задумываясь, а Василий Иванович над каждым ходом думал еще больше, чем в первой партии. Это не помогло и минут через пять стало ясно, что черным пора сдаваться, а дядя Вася сидел и все думал, думал. Потом нервно задышал, резко встал, взял свои шахматы под мышку и молча пошел к дверям. У выхода остановился и, повернувшись вполоборота к отцу, сказал:

– Разучился я в шашки. Давно не играл. А ты, Анатолий, купил бы мальчишке шахматы. Глядишь, и появился бы у меня во дворе соперник.

Василий Иванович ушел. Отец назвал меня молодцом и пошел на кухню заниматься своими делами, а я от радости сначала прыгал на месте и смеялся, а потом гордым петухом ходил по комнате, все не мог успокоиться.

Мог ли я тогда думать, что мое так удачно начавшееся увлечение закончиться навсегда ровно через неделю. Дело было так.

В следующее воскресенье сижу я за столом и перерисовываю в свой альбом из книги «Сказки Пушкина» картинку,

где витязь сражается с головой. Открывается входная дверь, и кто-то входит. Смотрю на дверь комнаты, в ней появляется голова моего дяди – дяди Степы:

– Женя, где папа?

– На рыбалке, – отвечаю я. – А мама на кухне.

Дядя Степа кричит в сторону кухни:

– Мария, а я вчера премию получил, купил вот кое-что и пришел к вам на обед!

Голос с кухни:

– Мне от плиты не отойти! Раздевайся, посиди в комнате!

Подожди. Анатолий вот-вот должен прийти!

Дядя Степа заходит в комнату, садится на диван.

– Чем там занимаешься? – обращается он ко мне.

– Рисую.

– А покажи-ка мне.

Я с готовностью несу альбом. Пролистав, он говорит:

– Неплохо у тебя получается.

Тут меня осеняет, что дяде делать нечего, и, может, он согласится поиграть со мной в шашки.

– Дядя Степа, давай сыграем в шашки, – говорю я с надеждой в голосе.

– Давай. Неси, – тут же отвечает он.

Бегу в свою комнату, несу шашки, забираюсь на диван и быстро расставляю их на доске. Дядя наблюдает за моими действиями, и как только я расставил шашки, говорит:

– Твои белые. Ходи.

И я пошел. Складывалось все по такому же сценарию, как с Василием Ивановичем, только еще проще. Было впечатление, что дядя Степа играет со мной в поддавки. Десяток ходов, и он сдался. Снова расставил я шашки и взял черные. Дядя не сопротивлялся. Рокировка не изменила ничего. Несколько ходов – и дядя Степа надолго задумался. Потом походил и, передвигая шашку, мизинцем прихватил с доски в руку одну из моих. Я бурно запротестовал и попросил вернуть шашку на место. Дядя посмотрел на меня с удивлением, сказал, что никакой шашки не брал и возвращать ничего не будет. Я смирился, думая, что все равно выиграю. Через несколько ходов дядя Степа снова попал в тяжелую ситуацию и надолго задумался. А делая очередной ход, снова мизинцем снял еще одну мою шашку с доски. Я опять отчаянно запротестовал, но результат был тот же. Дядя пожал плечами и сказал, что ничего не брал. Удивительно, но я сомневался в себе, и не мог поверить, что взрослые могут так поступать, обманывать и врать в глаза. Вторую партию я проиграл, и тут же азартно стал расставлять шашки на доске. Я страстно хотел не только справедливого результата, но и убедиться, что это мне не кажется. Дядя Степа в бой не рвался:

– Ну, что племянник, соглашайся на ничью, ставим точку? – сказал он мне.

– Нет, я не согласен, играем еще, – ответил я и тут же сделал свой ход.

Сейчас самое важное для меня совсем не выиграть, а все-

таки убедиться, что дядя меня обманывает. Я уже не так думал об игре, как внимательно смотрел за рукой дяди. Вот он делает очередной ход и опять быстрым движением мизинца забирает в руку мою шашку с поля. На этот раз я четко все отследил, и сомнений не было. В волнении соскочил с дивана на пол и дрожащим голосом потребовал вернуть мою шашку. Дядя посмотрел на меня честными глазами и в очередной раз сказал, что мне показалось и он ничего не брал. У меня навернулись слезы. Душила обида, рушился авторитет и непогрешимость взрослых. Свою правду, совершенно очевидную, я никак не мог доказать. От беспомощности вдруг накатила ненависть и злоба на дядю. Я увидел в нем коварного, хитрого врага и тут же кинулся на него, пытаюсь уничтожить своими кулачками.

Удивительно, но он испугался меня, такого маленького. Вскочил с дивана и быстро пошел на кухню, крича:

– Мария! Мария! Как ты воспитываешь своего сына! Ты растишь хулигана! Он набросился на меня и бьет кулаками!

В дверях комнаты появляется мать, на лице негодование. Я в растерянности, стою и плачу. Она с какой-то злобой хватается за ухо и тащит в другую комнату, там бьет руками, куда попало, потом ставит в угол, выключает свет и говорит, чтобы я стоял там до ночи. Болит ухо, болят бока, от обиды разрывается грудь, но пожалеть меня некому.

Слышу, что пришел отец. Мать с дядей хором рассказывают, какой я хулиган и безобразник. Отец открывает дверь

в мою комнату и включает свет. Как мне хочется, чтобы он пожалел меня и встал на мою сторону. Но он строго говорит, что я неправ и старших всегда нужно уважать. Велит покинуть угол и заниматься своими делами.

Дня через три после этого случая бегаю во дворе и слышу, что зовет меня друг Сашка с соседнего двора. Подбегаю. Рядом с ним стоит большой мальчик с шахматной коробкой под мышкой:

– Жека, это Витька из четвертого «а». Хочет с тобой сыграть.

Внутри что-то сжалось, и я быстро ответил:

– Нет, я не буду, я не хочу.

С тех пор прошло много лет. Я не играю ни в какие игры, и мне не хочется, а на шахматную доску у меня до сих пор аллергия.

Крестик

Великое счастье было вступить в пионеры и носить пионерский галстук. Особенно, для меня. Дело в том, что маленький городок, в котором я рос, делился мальчишками по территориальному признаку – на дворы. Проходить через чужой двор было, порой, небезопасно. Мне, например, чтобы попасть в школу, приходилось пересекать несколько дворов. Чаще всего доставалось ученикам младших классов. Теперь же будучи пионером, я, ученик третьего класса, ощущал себя почти наравне с шестиклассником. Мы оба носили галстуки и находились в одной организации. К тому же старший пионер обязан был брать шефство над младшим. Чтобы меня защищали, я не помню, но вот самому защищать младших приходилось. До сих пор не забыл имя рыжего мальчишки, за которого целая компания дворовых парней пыталась намять мне бока. Звали его Мишка. За то, что Мишка рыжий, во дворе его гоняли. Как-то после школы не пустили домой – он возвращался назад к школе потрепанный, в слезах, и волок за собой раскрытый портфель с поломанным замком. Напоминал Мишка птичку-подранка, волочащую подбитое крыло. Я шел навстречу, сжалился и согласился провести его.

Заходим во двор, а у Мишкиного подъезда стоят человек пять пацанов и многозначительно смотрят на нас. Мы слегка

притормозили, но буквально на мгновение. Я подумал, что нужно быть смелым как Тимур из книги Гайдара, взял левой рукой оцепеневшего Мишку за рукав и нахально ринулся навстречу опасности. Такой наглости от нас они не ожидали и в подъезд пропустили. Мишка сразу кинулся к своей квартире и исчез за дверьми. А на крыльце меня, конечно, ждали и навалились сразу двое. Остальные окружили нас и подзадоривали тех двоих. Спасло меня то, что я уже целый год занимался спортом. Хватило силы отбиться, вырваться, и убежать. Видя, что меня не догнать, они остановились. Я остановился тоже. Для порядка в меня было запущено несколько камней и кривизну их траектории пришлось прокомментировать вслух. Потом пацаны наперебой кричали, как хорошо они меня запомнили, и завтра непременно поймут на пути в школу. В ответ я кричал, что все отлично, что пусть ждут, а я приду вместе с парнями из своего класса, и мало им не покажется. Упомянул я в перебранке, как своих друзей, и пару фамилий известных в городе драчунов. Я, конечно, блефовал, но должно быть, мои аргументы показались весомыми и в этом дворе ко мне больше никогда не цеплялись.

Пионерская организация имела такую же структуру, как и армия. Разбита она была на отряды, а они, в свою очередь, на звенья по 6—9 человек. Был и председатель отряда и члены совета отряда и звеньевые. Председатель носил две красные нашивки на рукаве, а звеньевые по одной. «Офи-

церская» часть нашей пионерской организации была представлена почти исключительно девчонками. Да это и понятно. Мальчишек в то время воспитывала улица, и были они недисциплинированными, ненадежными, а некоторые и откровенными хулиганами. Настольной книгой каждого отряда была книга Гайдара «Тимур и его команда». И отряды, и звенья соревновались друг с другом в разных полезных делах. В книге написано, как Тимур со своей командой помогал старикам, вот и наше звено взяло шефство над одной старой больной женщиной. Она была очень тучной, с трудом перемещалась с помощью костылей, но, при этом всегда улыбалась и любила поговорить. После уроков мы заходили к этой женщине. Девчонки наводили в комнате порядок и болтали с ней, а меня вместе с мальчишками звена посылали в магазин за продуктами.

Одна из самых главных задач деятельности пионерской организации в то время – воспитание мальчишек. Тон в нем задавали большие девчонки – учительницы, а делалось все руками маленьких девчонок – наших командиров. Разборки мальчишеских проступков всегда превращались в цирк и балаган. На собраниях отряда наши командирши очень старались говорить «правильными» словами, и даже применяли политические выражения, рассчитанные на ухо учителя, который всегда присутствовал на собраниях отряда. Без учителя провести это мероприятие было, конечно, невозможно. Очередное собрание пионерского отряда нашего класса.

У учительского стола стоит белобрысая полненькая девочка с коротенькими косичками и красными от волнения щеками. Звать ее Лида Харькова. Лидой ее зовут все девочки, мальчишки же именуют Машкой. Все передние парты оккупированы смирно сидящими девочками. На задних собрались мальчишки, находящиеся в постоянном движении, толкающие друг друга, вскакивающие и беспрерывно гомонящие. Учительница, Нина Петровна, сидит в сторонке у окна и с наигранно безучастным видом смотрит на улицу. Харькова, воображая себя учителем, произносит строго:

– Мальчики, успокоились!

Голос с задних рядов:

– Начинай Машка, мы слышим тебя.

Пауза. Харькова мнетя, видно размышляя как поступить, ответить на выпад или продолжить собрание. Решает продолжить:

– На повестке дня два вопроса. Результаты соревнования отрядов школы по сбору макулатуры и разбор плохого, не пионерского поведения пионера Шаронова.

Шаронов громко с задней парты:

– А что я сделал! Опять я! Козел я что ли?!

Света Смирнова с передней парты возбужденно:

– Правильно, козел ты и есть! Кто мне второй день кнопки на парту подкладывает?!

Шаронов:

– А кто меня «хрюном» назвал!

Смирнова в запале:

– Еще и чернилами брызгаешься! Хрюн и есть!

Голос с задней парты:

– А у Светки свинья любимое животное. Она и Борьку Васильева кабаном называет.

В классе поднимается невообразимый шум. Мальчишки хохочут, девчонки кричат вразнобой высокими голосами, защищая подругу. Светка легла на парту и рыдает. Лида стоит у учительского стола, уже пунцовая, не понимая как остановить этот ураган. Нина Петровна продолжает смотреть в окно, но видно по напряжению фигуры, что через мгновение будет усмирять собрание.

Воспоминания, цепляясь одно за другое, слишком далеко затащили меня вперед и надо бы вернуться.

Так вот приняли меня в пионеры. А ведь всего за шесть лет до этого счастливого события меня крестили в Питере в старообрядческой церкви. Это крещение я достаточно хорошо помню, поскольку произошла у меня там серьезная стычка со священником. Я почему-то уперся и никак не желал окунаться в купель. Священник меня в купель, а я ручонками вцепился в его бороду, верещу, и окунаться не желаю. В конце концов, меня, конечно, крестили, но проявили насилие. Должно быть, уже тогда я чувствовал, что эта церковь не моя.

Став пионером, крестик свой перестал носить и повесил на дужку кровати. Когда собирался в школу и повязывал пи-

онерский галстук, он все время попадался мне на глаза. В душе, каждый раз, что-то поднималось. И, пожалуй, это что-то было агрессивным по отношению к крестику. Ведь в школах в то время проводилась жесткая антирелигиозная пропаганда. Смущало меня одно обстоятельство. Бабушка, которую я сильно любил, была человеком верующим. А точнее, с утра до вечера жила она верой в Бога и мыслями о Боге. В ее доме, в деревне Сологубовке, треть стены занимал иконостас, и все время горели лампадки. Именно у нее староверы проводили свои общественные молитвы. Иногда, из любопытства, я присутствовал на них. Но было ничего не понятно, быстро становилось скучно, и я уходил.

В школе нам объясняли, что наука доказала – Бога нет; а верят в него только старые люди, у которых нет никакого образования. И все, что ни говорят в школе, подтверждается моим опытом. В городе у нас церкви нет, в школе верующих нет и папа с мамой неверующие. Вот ведь и в Сологубовке, в бабушкином доме, молятся одни старушки. Однажды пристал я к бабушке, чтобы объяснила мне про Бога. Предварительно, конечно, выложил все аргументы против Него, которые знал. Бабушка, молча, выслушала и, сказав всего три слова: «Бог Женя, есть», пошла заниматься своими делами.

Я же подумал, что раз бабушка не опровергла ни одного моего аргумента, значит, я прав и сказать ей нечего. Сейчас-то, мне понятно, что бабушке было, что сказать. И промолчала она только потому, что хорошо видела – понять то,

что она могла мне поведать тогда, я был еще не в состоянии.

В космос полетели собачки «Белка» и «Стрелка». Все население страны ликует. И тут капнула последняя капля – совершенно неопровержимый с моей тогдашней точки зрения аргумент. Руководитель страны в своем выступлении сказал, что вот, мол, мы уже несколько раз летали в космос и Бога там не встретили.

Пришел я однажды из школы, снял с кровати крестик и выкинул его в окошко.

Шли годы, я много учился, много видел, читал и думал. А спустя пятьдесят лет снова крестился. Но уже в обычной православной церкви. Крестился с душевным трепетом и радостью, которая не покидает меня до сих пор.

Детское счастье

У каждого в этой жизни бывают моменты горестные, а бывают и радостные. В детстве радостных намного больше. Дети радуются, когда берут родители их с собой летом в экзотические страны, а зимой на зимние курорты кататься с гор. Они радуются, когда с хорошими отметками заканчивают четверть или побеждают в спортивных соревнованиях. Конечно, радуются, что папа купил новую машину и разрешает сидеть за рулем, а может и будет учить ее водить. Детей может радовать подаренный на день рождения красивый велосипед или мобильный телефон.

А чему же могли радоваться сегодняшние дедушки и бабушки, когда были детьми? Современные дети могут подумать, что их детство было совсем безрадостным, ведь в своем детстве не ездили они ни в какие страны, не было у них ни компьютеров, ни личных автомобилей, ни, даже, мобильных. А я вот такой дедушка, что уверен – в моем детстве радости и счастья было не меньше, да даже, пожалуй, больше. Ведь мне есть с чем сравнить, я второй раз пережил детство со своими детьми и выросл вместе с ними, вижу детство внуков, при этом отлично помню свое.

Апогей моего осознанного детского счастья длился беспрерывно несколько лет подряд и начался в момент, когда приняли меня в пионеры. Правда, это событие только сов-

падение со всем остальным, ведь шел тогда легендарный 1957 год и в этом году Советский Союз вырвался за пределы земного тяготения, запустив первый искусственный спутник Земли. Именно тогда я стал из своего детства с любопытством и большим интересом заглядываться на жизнь страны и мира. Массового телевидения тогда не было, телевизоры и даже радиоприемники были не в каждой семье. Мы испытывали информационный голод. А тут подряд: и олимпиада, в которой мы победили, и запуск искусственного спутника. Я стал не только с интересом слушать, что говорят взрослые, но и читать газеты.

Прошел всего год, как мы победили на олимпиаде в Мельбурне. А ведь соревнуемся с самой главной и сильной капиталистической страной – Соединенными Штатами Америки. И везде мы ее побеждаем – и на олимпиаде, и в космосе. Газеты и журналы тоже соревнуются в карикатурах и насмешках над американцами, их падающими и взрывающимися ракетами, и над всем капиталистическим миром, где человек человеку – волк, а совсем не друг, как у нас. И пишут в газетах, и говорят по радио, что у них там линчуют негров. Что такое линчуют, я не знаю, но понимаю, что это что-то очень плохое и бедных негров искренне жалею. И я тоже насмехаюсь над злыми капиталистами и думаю: «И что они там пыжятся? Ну, куда им до нас, таких великих. Ведь это очевидно, что они обречены на поражение».

Героем олимпиады в Мельбурне был наш легкоат-

лет-стайер Владимир Куц, который завоевал там две золотые медали. И мы, мальчишки, начали ходить на тренировки по легкой атлетике. В то время нам казалось, что это самый короткий путь, чтобы прославить любимую страну, а еще укрепить здоровье для того, чтобы стать космонавтом.

Учитель физкультуры нашей маленькой восьмилетней школы, в маленьком городке Кировске, расположенном на берегу реки Невы, Травкин, поддерживал наше рвение и тренировал нас в пионерском четырехборье. А это – прыжки в высоту и длину, бег на дистанцию 60 метров и метание гранаты. Учитель был молодым, азартным и тренировал нас увлеченно, хотя по сегодняшним понятиям условий для тренировок не было. Не было даже спортзала, и занимались мы на улице в любую погоду. Зимой, если на улице был сырой снег и наши спортивные костюмы намокали, то мы, с разрешения директора, развешивали их в коридорах школы на батареях отопления. Конечно, Травкин и не планировал, и не подозревал, во что этот энтузиазм может превратиться. А превратился он в то, что сборная нашей школы, неожиданно для всех, и для себя, конечно, тоже, выиграла сначала зональные соревнования, а затем поехала на первенство Российской Федерации и заняла там третье место.

В этом море окружающего меня в то время позитива была и ложка дегтя. Как я ни старался, но в сборную не попал. Физически развивался очень медленно. По габаритам все мальчишки превосходили меня, и в классе в строю я был

предпоследним. Такая, видно, программа физического развития в меня была заложена. Однако дружить с чемпионами и болеть за своих одноклассников тоже большая радость и удовольствие. Так что, не попав в сборную, потерял я не так и много. Возможно, даже больше приобрел.

Это было удивительное время. В дальнейшей жизни меня уже никогда не распирали так эйфория и гордость одновременно за чемпионов-друзей, школу и за свою страну. А как же иначе? Ведь мы, маленькая восьмилетняя школа маленького городка, стали третьими в Российской Федерации. А Советский Союз совсем недавно победил в самой страшной мировой войне, которая была в истории человечества. И вот теперь любимая страна первой покорила космос. Каждый день по радио передают чудесные позывные нашего спутника: пи, пи, пи, пи.... И каждый день радио рассказывает, над какими городами и в какое время спутник будет пролетать.

Я с нетерпением жду, когда же он полетит над нами. Наконец объявляют, что спутник этой ночью в 2 часа 37 минут будет пролетать над Ленинградом, погода ожидается ясной и спутник будет хорошо виден.

Отец заводит будильник, но я его не слышу, просыпаюсь оттого, что отец трясет меня за плечо. Быстро одеваюсь. Почти за десять минут до объявленного времени мы выходим на улицу и какое-то время стоим на крыльце, отходя ото сна, видим, что у подъездов соседних домов стоят люди и глядят

в небо. На столбе у нашего подъезда светит фонарь. Отец идет под фонарь смотрит на часы, и говорит:

– Ну вот, Женя, осталось меньше пяти минут.

Я уже совсем проснулся и с жадностью смотрю в небо, мне хочется первым увидеть спутник. Ночь ясная, луна лунит, и куда я ни посмотрю везде звезды, звезды, звезды, и чем дальше смотрю, тем больше их на небосклоне появляется, и проявляются они там, где сначала я их и не видел. Вдруг я пугаюсь, что мы не заметим спутника и спрашиваю:

– Пап, а какой он, спутник, мы его не прозеваем?

Я так волнуюсь, что меня даже слегка лихорадит. Отец же, как всегда, спокоен, медлителен и отвечает после некоторой паузы, которая мне кажется вечностью:

– Конечно, не прозеваем. Он как большая звездочка. Только видишь, все звездочки стоят на месте, а эта будет медленно двигаться по небосклону.

И вдруг среди тысяч звезд я вижу деловито перемещающуюся звездочку. Радости моей нет предела! Я кричу, прыгая от избытка чувств на месте:

– Вижу, вижу – вон он!

Такие же радостные возгласы доносятся и от соседних подъездов.

Я смотрю на эту звездочку, затаив дыхание, и кажется мне, что я не только вижу спутник, но и слышу его голос, слышу эти приятные звуки: пи, пи, пи, пи

Вот это и был апогей моего счастья и радости в детстве.

Конечно, как и в каждой жизни, мгновений радостных было много. Но такая полоса радости и счастья, длившаяся несколько лет подряд, в моей жизни уже никогда не повторилась.

Уточка

Первое воскресенье сентября. Раннее утро. Мы с отцом собираемся на охоту. Вынырнул я из своего глубокого детского сна сегодня очень легко, ведь вечером засыпал с приятной мыслью, что утром пойду на охоту. Охотой с этого года я заболел, и от волнения меня немножко лихорадит, поэтому собрался почти мгновенно. Да собирать-то мне особенно нечего – корзина под грибы, а в ней два бутерброда и нож. Теперь вот маюсь в томительном ожидании, когда соберется отец. И кажется мне, что делает он все уж слишком медленно. Я сел на табуретку и наблюдаю за ним. Удивительно, все происходит вокруг, как в замедленной съемке, и нет сомнения в том, что даже газ на плите горит плохо. Вот отец разогревает борщ. Спрашивает, буду ли я его есть. Я отказываюсь, мне о нем даже противно думать, а отец ест и ест почему-то с аппетитом. Про себя думаю: «Как он может, есть такое невкусное, да еще и на завтрак». Однако отец от меня не отстает:

– Женя, попей хоть чаю, и съешь бутерброд. Это тебе не юг, здесь энергии тратится намного больше. Здесь холоднее, и ходить по болоту – это тебе не по степи. Вот увидишь, до леса не дойдем – запросишь еду.

Есть совсем не хочется, но на чай пришлось согласиться. С этого лета ощущаю я себя совсем взрослым, ведь мне

целых двенадцать лет и отец, наконец, стал брать меня с собой на охоту постоянно. Просился я, конечно, и раньше, но отец всегда говорил одно и то же:

– Охотится тебе еще рано, подрасти немного. Охота – работа тяжелая, ты не выдержишь.

Август, как всегда, мы провели на родине отца в Днепропетровской области. На охоту ходили через день-два, и отец каждый раз брал меня с собой. Охотились мы на перепелов и диких голубей. Удивительное дело, но вот дикий голубь оказался на Украине хорошей, настоящей дичью. Летает он там большими стаями и наносит некоторый ущерб сельскому хозяйству. Кормится почти исключительно семечками подсолнуха. Поля же, на которых там растет подсолнух, бескрайни, как моря.

Добыть дикого голубя очень непросто, птица это умная и близко к себе не подпускает. Когда стая кормится, то одна из птиц не ест, а сидит на самом высоком подсолнечнике и внимательно смотрит по сторонам, и когда замечает опасность, кричит особым криком. Стая поднимается на крыло и улетает. И все же несмотря ни на что, на голубя мы охотились очень успешно и меньше десяти штук никогда не приносили. Ведь отец – классный охотник и охотится с уникальным штучным австрийским ружьем, которое как раз и предназначено для стрельбы на дальние расстояния.

Наконец отпуск закончился, закончилась наша охота в степи, и вернулись мы на берега любимой Невы, на свои бо-

лота. И вот собираемся на свою первую в этом году осеннюю охоту. Отец надевает патронташ, болотные сапоги, вскидывает на плечо ружье, я беру свою корзину, и мы выходим на улицу. Там еще сумрачно и прохладно. После украинской степи сырость и холод чувствуются очень остро.

Место нашей охоты недалеко, всего в трех километрах. Идем мы на озеро за Первый городок. Отец впереди, я метра три-четыре сзади. Идем молча, и я предаюсь приятным воспоминаниям. А приятное – это все, что связано с южной охотой в этом году, оно настолько яркое, что заслоняет собой и летние игры с друзьями, и даже начало учебного года.

Взрослые меня этим летом захвалили, и ощущал я себя в новом качестве – в качестве добытчика и кормильца. И это действительно было где-то похоже на правду. Ведь в сельских магазинах продукты практически не продавались, и ели мы только то, что сами добывали. А мясо, оказывается, могли добыть только мы с отцом. Да и какое мясо! Жирные перепела и голуби – это же настоящие деликатесы.

Чтобы добыть дичь, конечно, одного мастерства было недостаточно, нужно было быть еще терпеливым, и выносливым. Ведь возвращались с охоты, когда солнце было уже высоко, и температура в тени иногда превышала 35 градусов. Встречал нас полный двор народа, как ратников с поля боя. Да, летом собиралась там вся наша родня, и за обеденным столом меньше десяти человек не бывало. На обед же обязательно подавался любимый всеми традиционный украин-

ский борщ. Порой он был приготовлен на перепелах. Жир от них в ведерной кастрюле – толщиной с палец, а сами перепела плавали в борще как галушки. Женщины, насыпая борщ в тарелки, меня уже выделяли, и получал я свою порцию сразу после мужчин, и перепела мне в тарелку выбирали покрупнее, а перепела лежали в тарелке у всех, даже у детей.

Перепел – птичка удивительная, серенькая, размерами чуть больше скворца. Она очень разговорчивая и кричит днем и ночью. Песня перепела характерная и на человеческий язык переводится так: «Ва-ва, ва-ва, спать-пора, спать-пора, спать-пора». Если эти слова прочитать быстро и громко, то это и будет песня перепела. Летает перепел небольшими стайками, буквально не более десятка, и любит кормиться на полях, где растут зерновые. Мы с отцом чаще всего охотились на просяном поле. К концу августа откармливается перепел до шарообразного состояния, вот тогда-то он и представляет интерес для охотников. Взлетают перепела со своего просяного поля как тяжелые микроистребители. Каждый перепел взлетает абсолютно по прямой и машет крыльями так отчаянно, что их почти не видно. Стреляют его самой мелкой дробью, и иногда от одного выстрела падает сразу пара. За выход отец добывал по два-три десятка. Моей задачей было, после удачного выстрела, собирать их и складывать в рюкзак. Когда мы возвращались с охоты, низ рюкзака становился черным, поскольку пропитывался перепелиным жиром, и к следующей охоте женщины вы-

нуждены были его застирывать. Перепел нагуливал столько жира к осени совсем не случайно. Ведь в сентябре летел он в Крым, где собирался в большие стаи, порой по несколько тысяч штук в каждой. И уже такими громадными стаями летел перепел дальше на юг, к Египетским пирамидам. Летит он только ночью и в дороге очень мало ест. Запас жира служит перепелу горючим во время перелета. Нагулять жир для этой птички вопрос жизни и смерти. Тощая до Египта не долетает и гибнет в пути.

Охота на перепела была не такая тяжелая, как охота на дикого голубя. Это я рассуждаю с положения своей почти собачьей охотничьей функции. Ходить по просяному полю значительно легче, чем по полю засаженному подсолнухом или по-украински – «сонячником», а дичь подстреленную находить и тем более легче.

Как только заходим с отцом на поле с подсолнухом, я из-за своего маленького роста тут же перестаю что-либо видеть и ориентироваться в пространстве. Под ногами растрескавшийся от жары серый степной чернозем, перед глазами со всех сторон меня окружают толстенные стебли подсолнечников, а над самой головой маленький кусочек ясного белого южного неба, остальная часть горизонта во все стороны занята тарелками подсолнуха, плотно набитыми семечками. Все тарелки, как локаторы, смотрят, не отрываясь, на солнце. Голова подсолнечника колючая, царапучая, и удар ее очень неприятен, поэтому плетусь за отцом на приличном расстоя-

нии. Вдруг он останавливается, вскидывает ружье – выстрел. Я стою сзади и вопросительно смотрю отцу в затылок, почти как собака, ждущая команды – «пиль». Отец же, как всегда, внешне спокоен и не суетен. Открывает ружье, вынимает стреляную гильзу, из ствола идет дым, гильзу кладет в патронташ, загоняет в ствол заряженный патрон и только после этого поворачивается ко мне и показывает рукой направление, куда нужно идти. Я срываюсь с места и бегу в указанном направлении. Пробежав метров 20—30 и не найдя подстреленной дичи, шевелю ближний к себе подсолнух, и отец корректирует мое местоположение. Стрелял отец фантастически метко. Рекорд, свидетелем которого я был: десять выстрелов – девять голубей. Как раз в тот день, когда рекорд этот был установлен, произошел забавный случай. Принес я отцу очередного подстреленного голубя, он его осмотрел и говорит:

– Женя, посмотри, может, ты видишь на нем какие-то повреждения?

Я посмотрел: и действительно, крылышки целы, ран никаких нет, а голубь мертвый.

– Нет, – говорю я, – не вижу никаких повреждений.

Отец положил голубя в рюкзак, посмотрел на солнце, посмотрел по сторонам и говорит:

– В десяти минутах ходьбы начнется лесополоса, а за ней бахча. Солнце уже высоко. Мы устали. Дойдем до бахчи, съедем по арбузу, отдохнем и пойдем домой.

И мы пошли. Выбрали два арбуза и устроились в лесополосе, в тенечке. Отец вынул из ружья патроны и вставил в стволы два патрона по ползаряда, заряженные специально для меня, потом ножом отрезал донышко арбуза и говорит:

– Вот тебе мишень. Перед тем как пойдем домой, постреляешь.

И вот арбузы съедены, мы сидим, отдыхаем. Накатилась какая-то вялость, и мне даже лень идти к ружью и расстреливать свою арбузную мишень. Вдруг отец спрашивает:

– Женя! Сколько мы сегодня застрелили?

Я не задумываясь:

– Двенадцать.

Отец, после некоторой паузы:

– А мне кажется, больше.

После этих слов берет он рюкзак и высыпает голубей на землю, чтобы их пересчитать. Один голубь тут же свечкой взмывает в небо и скрывается за кронами деревьев.

Куда девалась степенность отца – не знаю. С невероятным проворством схватил он с земли ружье, вскинул к плечу, секундная пауза, выстрел. Слышу, впереди на кроны деревьев что-то падает, я побежал туда, взял подстреленного голубя, и радостно кричу:

– Пап! Теперь ты подстрелил его по-настоящему, и он больше не улетит!

Подхожу к отцу, даю ему голубя, а он стоит грустный. Взял голубя, положил в рюкзак и говорит:

– А ведь я неправ. Я не должен был стрелять....

Он имел право улететь.

Отец резко останавливается и снимает с плеча ружье. От неожиданности я чуть не натыкаюсь на него. Экран воспоминаний погас, и я вернулся к реальной жизни. Вижу, что мы почти пришли и совсем рассвело. Отец, заряжая ружье, говорит мне:

– Женя! Сейчас начнутся воронки, а в них могут быть утки. Держись метрах в пяти сзади и старайся поменьше шуметь.

Мы медленно идем по еле заметной тропинке. Утренний туман почти рассеялся, на траве и кустах обильная роса. Вокруг так сыро и мокро, как бывает после сильного дождя. Рядом с тропинкой начали попадаться воронки. Я держу в поле зрения идущего впереди отца и не забываю свою основную работу на охоте – сбор грибов. Грибник я уже опытный и знаю, что по краю воронок любят расти грибы и особенно хорошо растут там, где мелкие березки или осинки.

Мы дошли почти до лесного озера, но ни одна утка не взлетела. Должно быть, вчера вечером здесь охотились, и ее пугнули. Десять дней как открыта охота, и вся утка напугана. Она не понимает, что вокруг твориться. Только что спокойно гнездилась и кормилась, а теперь не может сесть на воду, стреляют в нее, бедную, изо всех кустов.

Вдруг слышу характерный свист крыльев и вижу, что на почтительном расстоянии от нас тянет пара чирков. Ле-

тят они очень быстро и красиво, крыло в крыло, и напоминают парочку истребителей МИГ-17. Смотрю, отец вскидывает ружье. Выстрел. Одна из уток как будто на что-то натывается и начинает падать по пологой линии. Я замечаю место, куда она упала, ставлю корзину на тропинку и бегу туда. Упала она в траву, метрах в десяти от озера. Место ее падения я заметил очень хорошо. Прибегаю, все внимательно осматриваю, – утки нет. Исчезла, испарилась. Минуты три я хожу вокруг этого места. Круг моего поиска расширился до берега озера и до ближайших кустов – утки нет. Я в растерянности, ничего не понимаю, и возвращаюсь на то место, куда утка упала. Вдруг неожиданный резкий крик, от которого я вздрогнул. Из под моей ноги порхнула и побежала по траве уточка, волоча за собой левое перебитое крыло. Время от времени она оглядывалась на меня. В глазах утки я видел и панику, и ужас. Я, конечно, ее поймал и понес отцу. Меня душила жалость к этой утке, я вдруг понял, что это существо думающее. Ведь я топтался в полуметре от нее, а она замерла и не шевелилась, понимая, что серенькая, что сливается с травой, и ее не видят.

Я подошел к отцу и отдал ему утку со словами:

– Вот, поймал.

Отец увидел мое состояние и строго спросил:

– Почему она живая? Она же мучается.

– Я не знаю, что делать, – ответил я.

Отец взял утку за туловище, резко ударил головкой о при-

клад ружья и, повесив ее сбоку на удавку, сказал:

– Женя, ты охотник, а это дичь. Дичь на охоте жалеть нельзя.

И вот прошло много-много лет, и стало мне понятно, как важен был в моей жизни этот эпизод с уточкой. Очевидно, что отец мой был абсолютно прав, но теперь ясно и другое. Понятно мне теперь, что, возможно, родился я совсем для другого времени, времени, когда нарушилось равновесие на Земле между человеком и миром животным. У человека сейчас осталось одно право по отношению к дикому животному миру – любить и сохранять. Иначе как объяснить то, что в своем роду я должен был стать четвертым поколением охотников. Все к этому шло, и с самого раннего детства рос я на легендах о своих знаменитых предках-охотниках. Что стоит только то, что дед мой Иван охотился на дроф, и писал статьи в журнал «Охота и охотничье хозяйство». А отец? Высокий профессионализм охотника совсем не противоречил его любви к природе. Однако охотником я не стал, хотя охотничий билет имел, и в лес с ружьем иногда ходил, но интересен там мне был сам процесс, а совсем не результат. Этот эпизод показал, что даже утка не станет для меня дичью, а я не стану охотником, и династия охотников в нашем роду завершится на моем отце.

Гадюка

Сентябрь. Утро уже не раннее. Погода ясная, ветра нет. Солнышко поднимается и греет почти как летом, быстро высушивая росу на траве и кустах и заставляя осенние листья в это прохладное утро светиться только теплым спектром радуги. Листья, раскрашенные волшебным художником яркими солнечными красками, еще почти не опадают, и увядания совсем не чувствуется. Это как раз то время года, когда северная скромная природа вдруг расцветает, становится картинно красочной и провоцирует каждого обратить внимание на то, как она прекрасна.

Мы охотимся. Отец с ружьем охотится на уток и куликов, а я с корзиной охочусь за грибами. Обходим свой традиционный маршрут, который пролегает через небольшой карьер, болото и мимо большого количества воронок.

Воронки – последствия страшной войны, которая непрерывно утюжила эту землю больше двух лет. Они, конечно, неестественны для природы, как и любое злое вторжение человека в нее. Представляю, как же они были уродливы и ужасны, когда только появились на этой земле. Однако удивительно гениальна природа в своем стремлении к красоте. Прошло после войны не так и много времени, и уже совсем эти воронки, не ужасны, а кое-где даже вписались органично в ландшафт: большие, должно быть от бомб, с водой

внутри и камышом, представляют собой микроозера, на которых любит кормиться утка. Маленькие воронки от снарядов и мин обычно внутри сухие, по их краям растет мелкий березнячок, в котором очень любят расти грибы – подберезовики.

Маршрут наш подходит к концу. Отец застрелил кулика и крякву. Я где-то метрах в двадцати – тридцати за его спиной, как челнок, бегаю от воронки к воронке, пытаюсь добыть корзину грибов. Солнце уже настолько прогрело воздух, что роса на кустах и траве высохла, и грибы собирать стало намного приятнее.

Вижу на краю очередной воронки, в траве, подберезовик. Оставляю корзину на тропинке и лезу в воронку. Протягиваю руку к грибу и слышу: Ссссссссс В одно мгновение я похолодел и онемел. Буквально в метре от моей руки маленькая неподвижная головка змеи. Мы встречаемся с ней глазами и смотрим как замороженные друг на друга, не делая никаких движений. Мне кажется, что проходит целая вечность, а я не могу пошевелиться и даже издать звука. Вдруг в поле моего зрения появляются болотные сапоги отца. Левый сапог прижимает кольца змеиного тела к земле, а каблук правого бьет ее по голове. Голос отца выводит меня из состояния оцепенения:

– Женя! Ну что ты, очнись.

Отец берет рукой извивающееся в конвульсиях тело змеи и вешает его на ветку березы. В душе у меня появляется

тепло, появляется восторг и торжество, торжество победы над злом. Змея с раннего детства ассоциируется со злом. Во всех моих самых любимых сказках Иван-царевич борется со злом – со Змеем Горынычем, отрубает ему головы и побеждает его. Конечно, я считаю себя Иваном-царевичем. Да, сегодня победил этого страшного змея не я, а отец, но я все равно торжествую. Отец уже пошел дальше, а я не могу уйти и как замороженный гляжу на то, как извивается поверженный враг на ветке дерева.

Мог ли я тогда, обрадованный победой и торжествующий, представить себе последствия этой победы? Конечно, не мог. А последствия, надо сказать, были ой какие неприятные. Ведь когда что-то холодное неожиданно прикасалось к моему телу или лицу, я замирал от ужаса, я холодел, и каждый раз перед глазами возникал образ извивающейся в конвульсиях на березовой ветке холодной и страшной змеи. Да, в дальнейшем в свои молодые годы я самостоятельно победил двух больших змей, гадюк. И слово-то какое противное – «га-дю-ка», как удивительно точно оно обозначает зло. Одно это слово настораживает человека и провоцирует его на борьбу и расправу. Правда, мне для нападения на змею восприятия слова было совсем недостаточно, и проявлял я агрессию по отношению к несчастным змеям в большей степени из-за неприятных последствий преследовавших меня. Мне казалось что, только демонстрируя силу, удастся избавиться от них.

После этого случая прошли годы, но все оставалось по-прежнему и та, убитая отцом змея продолжала преследовать меня. Чаще всего я попадал в такое противное состояние в лесу, когда холодная мокрая ветка неожиданно задевала меня. Несмотря на неприятные ожидания, любовь к природе пересиливала, и в лес я ходить продолжал.

Интересно, что раньше змей в наших лесах было много, но потом с каждым годом стали они встречаться все реже и реже. Видно, много развелось Иванов-царевичей. В последнее время змеи стали встречаться так редко, что я о них уже и не помнил, но все равно реакция на неожиданное прикосновение чего-то холодного оставалась прежней, и острота восприятия не притупилась. Казалось, что так будет всегда. И вот лет пять назад, после долгого перерыва, встретил я, наконец, в лесу змею, она была так изящна и прекрасна, что я не мог на нее насмотреться. Я ласково разговаривал с ней. Змея благосклонно слушала мои речи и не проявляла никакой агрессивности....

Прошло время, и вдруг я заметил, что неожиданное прикосновение к телу чего-то холодного не вызывает негативной реакции. Должно быть, та, убитая отцом змея, после того как моя любовь к животным распространилась и на них, на змей, наконец, простила меня и перестала пугать.

Физкультура и жизнь

Однажды, мне двенадцатилетнему, отец подарил книгу о спортсменах. Надо сказать, что отец всегда интересовался спортом, а в молодые годы активно им занимался. В волейбол на стадион ходил играть лет до сорока. А вообще особенно любил единоборства и среди них выделял борьбу. Коллекционировал дореволюционные открытки с русскими борцами. Три из них каким-то образом сохранились у меня, на одной сняты в трико все великие русские борцы во главе с Поддубным. Когда до войны отец учился в техникуме, то занимался там гимнастикой и борьбой. Во время войны, приобретенные спортивными занятиями сила и умения, помогли ему выжить. Он рассказывал, что в борьбе очень важно уметь ориентироваться в пространстве и падать, этому их тренер учили основательно.

О войне говорить не любил, но как-то рассказал такой случай. Их военному подразделению приказали срочно перебазироваться. Ехали по лесной дороге Студебекером на большой скорости. Отец, будучи старшиной, сидел на лавке у самого заднего борта машины. Машина налетела на большую кочку, задний борт так подбросило, что отец вылетел из кузова на полном ходу. Когда машина остановилась, отец уже догнал ее. К удивлению всех у него не было ни ушибов, ни даже царапин.

Книгу эту я читал с удовольствием. Особенно понравился рассказ «Пятнадцать утром, пятнадцать вечером». Описано там время сразу послереволюционное, а действие происходит в небольшом городке. Рассказ этот про мальчишку, которого звали Юлька. Каждый день он ходил в школу, и ему нужно было пересекать по пути Воронихинскую слободу, а мальчишки ее всегда воевали с заовражными мальчишками, из которых и был Юлька. Верховодил воронихинскими толстый, высокий, нескладный парень – Яшка Кривоносый. Юлька был мальчиком маленьким, тщедушным, узкоплечим и его били чаще других. Однажды Яшка над ним начал издеваться, двое подручных держали Юльку за руки, а он пытался силой кормить Юльку землей.

Когда воронихинские поймали его в следующий раз, Яшка придумал еще более гнусную пытку. Опять двое держали Юльку за руки, а Яшка под хохот остальных мальчишек красил ему масляной краской волосы на голове, при этом на всю улицу кричал: «Юлий Цезарь был рыжим, а этот черный. Надо исправить».

Неожиданно в их городок приехал цирк «Шапито», гвоздем программы которого был знаменитый борец. Юлька не пропускал ни одного представления, удивляясь силе и ловкости этого борца. Против него, позарившись на крупное вознаграждение, вышли два общепризнанных городских силача, но каждый был уложен на лопатки меньше чем за минуту. Все время мечтал Юлька иметь хоть половину, хоть

четверть такой силы и как бы он надавал тогда Яшке Кривоносому.

Цирк закончил свои гастроли и начал сворачиваться, а Юлька загрустил и рано утром пошел на речку ловить рыбу. Рыбаком, несмотря на возраст, он был классным и знал все рыбные места. Идя по берегу, вдруг увидел могучую фигуру этого знаменитого борца, сидящего с удочкой на месте где рыба никогда не водилась. Юлька понял, что это шанс познакомиться и выяснить как же стать сильным. Он расхрабрился, подошел и сказал, что рыба здесь не ловится, и он знает место, где она клюет хорошо. Они поднялись выше по реке на Юлькино место и начали таскать рыбку одну за другой.

Обратно возвращались в город вместе, и борец Юльку расспрашивал о речке и о достопримечательностях города. Когда возникла в их разговоре пауза, Юлька спросил:

– А трудно стать силачом?

– Это очень просто, мальчик.

– Просто? – Юла недоверчиво покосился. – Значит, и я могу?

– Можешь...

– А как?

– Очень просто, – повторил борец. – Пятнадцать подтягиваний. Пятнадцать утром, пятнадцать вечером – вот и все. На перекладине, на суку, на дверном косяке, на воротах – на чем хочешь. Пятнадцать подтягиваний, и через год – слышишь, мальчик? – всего через год ты станешь вдвое сильнее.

– Пятнадцать подтягиваний?

– Да.

– И вдвое сильнее?

– Да.

Наступило очередное первое сентября, и Юлька на пути в школу снова был пойман Яшкой Кривоносым с компанией. На этот раз он знал что делать. Хилый Юлька предложил пари Яшке, что год они его не трогают, а первого сентября следующего года он будет драться с Яшкой один на один и если он проиграет, то они могут выкрасить его любой краской, а он обязуется ходить по городу в таком виде целую неделю. Все во главе с Яшкой смеялись, шутили и согласились подождать год.

Через год Юлька Яшку нокаутировал, избив в кровь, хоть и оставался на голову ниже его.

Понятно, рассказ меня так впечатлил, что, прочитав его, я уже на следующий день околачивался у турника на школьном стадионе, который к счастью находился рядом с моим двором. Спустя полгода я уже мог без перерыва подтянуться семь раз, но в течение дня тридцать подтягивался обязательно.

Это было в конце июля. Шел первый слой подосиновиков. Мальчишки нашего двора ездили за красными, так мы называли подосиновики, на станцию «Грибное», она находилась от нашего городка километров в девяти, две остановки поездом. Но было одно неудобство, от станции до заветного ме-

ста нужно было идти целый километр, причем вдоль железнодорожной линии и назад. К счастью там был поворот, и паровозик притормаживал. Мы бросали свои корзины и выпрыгивали на ходу. Паровозик ходил три раза в день, утром, в обед и к вечеру. Тащил он за собой три маленьких пассажирских вагончика. Мы всегда ехали на утреннем, а в обед возвращались. На станцию не шли, а опять же норовили забираться в вагоны на ходу. Конечно, машинист это безобразие видел, понимал, что мы зайцы, но жалел нас и притормаживал на обратном пути сильнее. Технология посадки была такая, бежишь по насыпи со скоростью вагона, ставишь на верхнюю подножку корзину с грибами, руками хватаешься за поручни, забираешься на нижнюю ступеньку, а дальше в вагон. Самый большой и сильный из нас шел первым, а потом, забравшись, подстраховывал всех, шедших следом.

Все было штатно, как всегда, только подстраховывать в этот раз меня было некому. Нас было всего двое, я и Петька с моего двора, который был мельче меня, и потому я шел первым. Удачно поставил корзину на верхнюю ступеньку, левой рукой схватился за поручень и в этот момент споткнувшись, повис на одной руке. Меня качнуло под вагон, я не только смог удержаться, но и слегка подтянувшись, зацепился правой рукой за ступеньку и быстро вскарабкался в вагон. Петькину корзину я принял и поставил на площадку в тамбур вагона, а сам Петька ловко забрался на подножку. Испугаться не успел. Понял, что легко мог улететь под коле-

са только когда сел на лавку, вот тут на мгновение в животе появился холодок.

Потом, уже много позже, до меня дошло, что не виси я почти ежедневно на турнике, не нагоняй свои ежедневные тридцать подтягиваний, не соревнуйся с пацанами в силовухах, все могло бы кончиться намного хуже.

И один в поле воин

*Школа – это место, где илифуют булыжники
и губят алмазы.*

Роберт Ингерсолл

За одиннадцать лет обучения в средней школе в памяти осталось не больше десяти учителей, и среди них, конечно, как у большинства, самый главный и самый незабываемый – учитель первый. Для меня это Мария Григорьевна Жулина. Вспоминается она как заботливая мама, с великим терпением и любовью нянчившаяся с нами – такими суетными и балованными. Невзирая на нежелание многих обучаться, научила она всех самому необходимому – читать, писать и считать.

В дальнейшем учили меня многие, и, интересно, что основная часть учителей, которые нет-нет, да и вспоминаются, вспоминаются совсем не потому, что были хорошими учителями, а потому, что были странными или оригинальными людьми.

Бедные, бедные учителя, сколько же они от нас вытерпели! Ведь детьми мы были послевоенными, уличными и для того, чтобы развеселить класс, готовы были пойти на многое, несмотря на то, что в то время был мощный сдерживающий фактор – уважение народа к профессии учителя. Шло это уважение еще от наших дедушек и бабушек, для

которых знания и образование были очень высокими ценностями. Хорошо в то время работало «пугало» под названием – директор. Директор школы в общественной иерархии стоял не ниже директора завода. В кабинет к нему с трепетом и страхом заходили не только мы, ученики, но и наши родители. Учителей тогда в стране не хватало, многие были людьми случайными и в школу попали, перейдя туда из обычных гражданских профессий.

Первая встреча с таким учителем произошла у меня в седьмом классе. Преподавал он у нас черчение и носил кличку «Квазимодо». Описание его внешнего вида есть в книге Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», поэтому повторяться не буду. Особой любви к нам, таким хулиганистым детям, он не испытывал и на уроках ходил между рядами парт, вооруженный деревянной линейкой длиной больше метра, где он такую достал, непонятно. Шеи у него не было, и голова плотно и неподвижно сидела между двумя горбами на груди и спине, но он замечал в классе любую шалость и очень ловко бил нас, мальчишек, по головам и по рукам, причем доставал своей длинной линейкой через ряд.

Однажды пришел «Квазимодо» на урок в особенно плохом настроении и бил нас своей линейкой с особой злостью. До сих пор мы терпели, видя в нем инвалида, но тут пошли на конфликт, и первый раз вывели учителя из себя. Подбежал он к своему столу, развернулся к классу, рванул рубаху на груди, только пуговицы полетели, и закричал громовым

ГОЛОСОМ:

– Я в войну собак ел! Немцам не сдался и вам не сдамся!

На мгновение все от неожиданности прижухли, в классе полная тишина, и в этой тишине голос Толи Белоногова:

– Одна вон застряла. Так и не проглотил.

В девятом классе появился у нас новый преподаватель английского языка, маленький плотненький старичок, весь седой, с бесцветными и слезящимися глазами. Был он очень забавным, хотя и ходил все время в черном пиджаке с орденом Боевого Красного Знамени на лацкане. Нос у него был картошкой, и если мысленно одеть ему красный колпак, а рост сильно уменьшить, то получится настоящий гном, а если рост не уменьшать, то клоун. Конечно, он нас заинтересовал, и через пару занятий мы знали о нем все. Узнали, что два года войны провел он в Мурманске, служил там переводчиком при приемке грузов с английских кораблей. Узнали, что из-за контузии плохо слышит и что у него больные ноги, на севере он их обморозил. Где-то мы его любили, но отказать себе в удовольствии повеселиться на его уроках никак не могли. В наше оправдание можно сказать, что шутки наши на этом уроке злыми не были и научить нас он ничему не мог, поскольку не имел опыта работы со школьной аудиторией, а еще у него была плохая дикция. Его уроки были сплошной формальностью и для нас где-то развлечением.

Обычно его урок начинался так: открывается дверь класса, и семенит в своих валеночках «англичанин» к учитель-

скому столу. Садится, раскрывает журнал, а все мальчишки в это время в относительной классной тишине мычат себе под нос на разные лады, веселя хрюканьями и переливами мычания девчонок, которые время от времени прыскают себе в рукав.

И вот начинается представление. Учитель свои тугим ухом улавливает-таки посторонние звуки, степенно откладывает журнал, прикладывает, вполоборота к классу, руку к уху и некоторое время слушает, смотря в потолок и складывая от усердия губы трубочкой. Потом вдруг резво вскакивает и бежит вдоль ряда, останавливаясь у каждого мальчишки, опять прикладывает руку к уху и каждого слушает персонально. На соседних рядах все рыдают от смеха. Добегает он до конца ряда, разворачивается и быстренько возвращается на свое место, с улыбкой смотрит на нас и вкрадчивым голосом говорит:

– Поймаю я, ох поймаю того, кто издает эти лебязьи звуки.

Основная масса преподавателей учила нас точно в соответствии с программой, не отступая от нее ни на шаг и это было очень скучно, неинтересно, и, вероятно, поэтому учителя эти совсем не запомнились. Оказалось, что такое преподавание отвращает от учения вообще, и самое обидное от предметов интересных для большинства, например, таких, как история или литература. Эти предметы пришлось в дальнейшем осваивать самостоятельно, и где-то я даже

благодарен Советской власти за убогую подачу их в школе. К двум великим писателям школа умудрилась привить стойкое отвращение, которое преодолеть до сих пор не удается – это Гоголь и, зеркало русской революции – Лев Толстой. «Мертвых душ» и «Войны и мира» никто из нас тогда не читал, не дозрели мы еще до этих произведений. Однако образами «Коробочки», «Манилова», «Болконского» и «Безухова» учителя умудрились нас замучить до тошноты. Историю, которой нас учили, представляя как классовую борьбу и как историю КПСС, лучше всего забыть, как дурной сон, и начать все заново, что реально со мной и произошло.

Однако кое-кто из таких учителей помнится, но помниться только в связи с какой-то конфликтной или забавной ситуацией. Вот, например, случай, который произошел в десятом классе и связан он как раз с историей. Однажды на уроке истории, которую вела у нас тогда Лидия Алексеевна, разбирали мы вопрос окончания второй мировой войны. Лидия Алексеевна убеждала нас, что советские полководцы превзошли немецких и в таланте, и в умении. Вдруг тихий мальчик с гуманитарными наклонностями, лучший поэт класса и непревзойденный декламатор стихов Маяковского, Вовочка Королев, позволил себе усомниться:

– Лидия Алексеевна, да как же так, ведь гнали они нас до самой Волги, и потерь среди военных у них в три раза меньше, чем у нас. . . . Лидия Алексеевна, а посмотрите на их форму – это форма настоящих военных, разве можно срав-

нить с нашей.

Все это Вовочка выдал, не вставая с места, поскольку Лидия Алексеевна играла в школе роль передового педагога и позволяла старшеклассникам высказываться прямо с места. Класс затих, интуитивно чувствуя, что Королев переступил какую-то черту, которую переступать нельзя. С минуту стояла полная тишина, и все, не отрываясь, смотрели на учителя. Лидия Алексеевна оцепенела, ее глаза остановились и смотрели в одну точку. Жило только лицо, быстро меняясь в цвете, и за минуту на щеках появился заметный румянец. Вдруг она закричала:

– Вста-а-ать!!! Это пропаганда фашизма! Вон из класса!

Вова встал, спокойно собрал портфель и вышел за дверь. После некоторой паузы Лидия Алексеевна продолжила свой монолог:

– Я доложу директору. Таким не место в советской школе.

Директору она доложила, и три дня судьба Володи висела на волоске. В назидательных целях, как урок для всех, они бы, может, и выгнали, но побоялись за себя, побоялись выносить сор из избы.

Вспомнил я такие эпизоды из школьной жизни, о которых писать не принято. Почему-то сложилась у нас странная традиция – учителей только хвалить и благодарить. Может это и не совсем правильно. Видимо, именно поэтому население нашей страны в массе своей не знает собственной истории, плохо знает русскую литературу и очень мало читает. Мно-

гие ли преподаватели литературы действительно любят ее, эту литературу, и могут эту любовь передать детям. Определенно еще меньше тех, кто может литературно изложить свои мысли. Ведь большинство просто озвучивает по хрестоматии программу.

К счастью, среди учителей-оригиналов оказался у нас удивительный талант, благодаря которому многие смогли получить высшее образование. Преподавал он математику, и звали его как Чапаева – Василий Иванович. Поверьте, вспоминается он с улыбкой на лице, и какой-то радостью. Внешний вид Василий Иванович имел неприглядный, хотя всегда носил строгий темный костюм. Истинный цвет его был виден только в некоторых местах. Мел почему-то плохо сочетался по цвету с его костюмом. Плечи и весь пиджак всегда были притрушены им, а рукава так и сплошь в мелу. Имел Василий Иванович привычку, увлекшись уроком, стирать с доски рукавом, вместо тряпки. А увлекался, как вы понимаете, он всегда. Личностью в школе Василий Иванович был легендарной, и такой внешний вид был составляющей его имиджа, к которому все привыкли и не обращали внимания. Другое дело посетители школы, их его вид порой шокировал.

Невысокого роста, худенький, седой ежик на голове, очки, лицо в морщинках, как печеное яблоко. К этому можно добавить, что одна нога была чуть короче другой, и Василий Иванович хромал. Шел он, однако, всегда быстро, энергично размахивая правой рукой в такт. В левой, как правило,

классный журнал.

Влетает в класс этаким взъерошенным чучелом, бросает журнал на стол, недоуменным взглядом смотрит на нас. В классе гробовая тишина. Говорок у Василия Ивановича, окающий, волжский. Выдержав паузу, изрекает:

– Сущее болото. ... Опять двадцать двоек.

Взаимоотношения с учениками строил, на первый взгляд, странно и конечно нестандартно. Двойки раздавал налево и направо, не выделяя ни отличников, ни двоечников. Хотя реально ни тех, ни других у него не было, за несколькими исключениями. Дотянуться до того уровня, который Василий Иванович оценивал, как отлично, было практически невозможно. В то же время такой педагог мог научить математике и лошадь. Каждого своего ученика он тонко чувствовал и видел в нем, в первую очередь, личность. За это, пожалуй, и имел непререкаемый авторитет в школе. Конечно не среди учителей, большинство его не понимали и где-то даже завидовали. Выученные «на зубок» правила, на него не производили никакого впечатления, во всем он требовал понимания. И особенно ценил тех, кто мог нестандартно мыслить.

Мне повезло, учился я у Василия Ивановича целых пять лет, с 7-го по 11-й классы. Вспоминаю такой случай. В седьмом классе писал я четвертную контрольную, которая проверялась представителем РОНО. За контрольную Василий Иванович поставил мне отличную отметку, задачи я все решил, и ответы были правильными.

Вдруг, во время урока литературы вызывают меня в учительскую. Захожу, здороваюсь, за столом сидят: Василий Иванович и незнакомый мужчина. Незнакомец спрашивает, почему при решении задачи не использована формула из такого-то правила. Я что-то начинаю невнятно мычать. Признаться, что за всю четверть ни разу не открыл учебника и никакого понятия не имел ни об этой формуле, ни о правиле, я не мог. Видя, что от меня ничего не добьешься, мужчины затеяли горячий спор. Выяснилось, что я умудрился решить задачу способом, конечно более сложным, чем запись данных в формулу, но неожиданным даже для Василия Ивановича. Эта неожиданность и была оценена отличной отметкой. Василий Иванович убеждал инспектора, что, мол, правило я знал, но продемонстрировал и другой возможный путь решения задачи. В результате этого спора оценка моя за контрольную работу все-таки была понижена на балл.

Оригинальный подход к обучению приводил к тому, что страница классного журнала по математике всегда чем-то напоминала затертую портянку. Василий Иванович в конце четверти каждому выводил отметку, которую тот заслуживал. Отметки были настолько справедливы, что я не припомню, чтобы хоть кто-то возразил и пытался доказать, что заслуживает большего.

Сдан последний экзамен. Ученики 11^В класса выпущены школой в большую жизнь. Все мы, выпускники, в приподнятом, конечно, настроении, находимся . . . в коридоре. В клас-

се на наших местах сидят родители. Они последний раз общаются с руководством школы и учителями, которые выпустили нас. Родители, после быстро отработанных ритуальных благодарностей и славословий в адрес школы и учителей, перешли к длительной и обстоятельной осаде этих же учителей по вопросу: «На что можно рассчитывать моему в дальнейшей жизни».

Умиленные похвалами, учителя стараются дать обстоятельную перспективную оценку каждому выпускнику. Удивительное дело, но оценки всех учителей, по сути, соответствуют тому среднему баллу, который выведен ученику в аттестате. И только Василий Иванович дает совсем не те оценки, и рисует им совсем не то будущее, про которое рассказывают все. Родители его не очень то и слушают. Как же можно ему доверять, если завуч и даже директор говорят иначе.

Жизнь показала, что именно Василий Иванович оказался истинным «Нострадамусом» в этой компании учителей.

Тому, что из нас что-то дельное получилось в это жизни, мы обязаны именно Василию Ивановичу.

Нева

Нева – это удивительные явления природы, как по красоте, так и по мощи. Что-то аналогичное, но, пожалуй, еще более мощное и впечатляющее можно встретить только в Сибири. Европейская же природа, по сравнению с нашей кажется просто игрушечной.

Посчастливилось мне родиться и вырасти на берегу Невы. Не меньше половины всего времени в детстве было проведено на ее берегах. Нева притягивала как магнитом к себе население нашего маленького городка Кировска, в котором я жил. Летом можно было покататься на лодке, напротив Дома культуры, находившегося всего в ста метрах от берега, в 50-60-х годах работала лодочная станция. Там же, напротив Дома культуры, действовал городской пляж, на который летом в мои дошкольные годы родители регулярно ходили и брали меня с собой. Эти походы я, помню, сильно не любил. Родители не разрешали мне бегать самостоятельно, а долго лежать на солнышке для меня было мукой. Летний невский берег я оценил позже, ведь даже побродить босиком по воде, посмотреть на чаек, лодки, катера и теплоходы всегда было интересно не только детям, но и взрослым. Была еще в то время на берегу такая прелесть, как ласточки-береговушки, носящиеся над головами как реактивные самолетики и обеспечивающие наше загорание звуко-

вым фоном в виде радостного чириканья, приятным, кстати. Их давно уже нет, мои дети этих птичек уже не видели.

Зимой людей на Неве было не меньше, чем летом. Крутой берег реки был всегда облеплен детьми. Катались с него и на лыжах, и на санках, и на ледянках, и на обычных листах фанеры. Зимы тогда были суровыми, и в декабре Нева всегда была подо льдом, а вскрывалась всегда в одно и то же время – с двенадцатого по четырнадцатое апреля. И вот каждый год – целых пять месяцев – работала натопанная людьми дорога через Неву. На той стороне, напротив города, растет красивый лес, и там всегда была лучшая лыжня. Именно на ней зимой спортсмены тренировались, там же проводились все соревнования по лыжным гонкам и сдача норм ГТО.

Молодыми, даже уже, будучи студентами, мы долго страдали от недостатка здравого смысла. Зимой обычно ездили на выходные в Кировск электричкой, которая от станции Кушелевка шла на Невскую Дубровку, это был самый короткий путь из Питера. Проблема в том, что надо было переходить Неву, но нам молодым и спортивным все было ни почем. Однажды поехали уже весной, именно двенадцатого апреля. Вышли к Неве. Лед стоит, но почти на всей его поверхности вода, а мы, нас четверо, в туфлях. Решили перебежать, а туфли с носками высушить дома. План удался. На следующий день, гуляя по городу на весеннем солнышке, вышли к Неве. Довольно долго стояли молча, наблюдая ледоход. Видно все думали об одном и том же, представляя

себя среди этих льдин.

Нева у Кировска

На Неве интересно в любое время года. Природа здесь уникальна. Да и река ли это? Протока с мощным течением длиной всего в 74 километра, а шириной местами до полутора километров между двумя громадными водоемами, почти морями.

В жизнь жителей Кировска река вписалась естественно и была важным элементом многих ритуалов. Нева – и созерцание, и развлечение, и место для встреч. Вот, например, как проводили горожане праздник 1-е Мая. С утра все население, празднично одетое, с флагами, цветными шарами и цветами собиралось у школ, мест своей службы и работы. Потом шли колоннами по улицам города, по центральной площади, и дальше расходились по домам за свои праздничные столы. Где-то после трех часов уже маленькими семейными компаниями население всего города, прогуливаясь, вольно

или невольно стягивается на набережную, должно быть потому, что три главные улицы берут с нее свое начало. Как раз первого мая по Неве в то время начинал идти ладожский лед, а это громадные толстенные белые льдины. Льдины сталкиваются друг с другом, и кажется, река шипит простуженным голосом. Ясно, что такое зрелище пропустить было никак невозможно.

Пришел на набережную и я с друзьями. Мы, как и вся публика на берегу, смотрим, как замороженные на то, как река своим мощным течением тащит громадные льдины, нещадно сталкивая их, и круша друг об друга. Вдруг видим, отделяется от толпы женщина и мелкими шагами, пошатываясь, бежит с крутого берега к Неве. Она без пальто, в нарядном платье и туфельках. Время от времени женщина довольно громко кричит:

– Вася, прощай!

Народ, умиротворенный созерцанием красоты и могущества природы, отреагировал на происходящее с некоторым опозданием. Только когда женщина зашла в воду почти по пояс, с берега вслед за ней кинулось человек пять мужчин, сбрасывая на ходу свою одежду. Забежали в воду все бодро, и почти одновременно, но только один из них, не приостанавливаясь ни на секунду, как морж зашел в воду, разгребая впереди себя льдинки. Остальные, ошпарившись ледяной водой, высоко поднимали ноги и дальше чем по колено зайти не смогли. Женщина тем временем добралась до глу-

бины и скрылась под водой. Мужчина нырнул и через десяток секунд уже греб одной рукой к берегу, а другой за волосы тащил ее за собой. На берегу народ радостно кричал и аплодировал. Мы с мальчишками сбежали вниз. Женщина истерично рыдала и билась в ледяной крошке на берегу. Мужчина в сердцах пнул ее ногой по заднему месту и отошел в сторону, посиневший и дрожащий крупной дрожью, возможно не только от холода, но и от нервного напряжения. Кто-то снял свою рубашку и начал вытирать героя, кто-то налил ему целый стакан водки, кто-то принес брюки, пальто. Ему помогли одеться, и все пошло прочь. Спустились какие-то люди к женщине, подняли ее, накинули пальто и повели от Невы.

Это один из фрагментов взаимоотношения Невы и человека, свидетелем которого я был. Случай этот, к счастью, закончился благополучно, что бывало далеко не всегда.

Осенью Нева не так притягательна. На ее берегах в это время сыро, ветрено, промозгло, а волна на реке порой такая, что не на всякой лодке ее можно переплыть. Но странно, даже в непогоду людей на ее берегах не убывает. Осенью особенно хорошо ловится рыба, а рыбаков живет здесь очень много, мальчишки же так и почти все рыбаки. Ведь тогда в Неве было изобилие рыбы. Куда она девалась сейчас, непонятно. В то время, детский вопль над Невой: «Дядя помоги-и-и!» никого не пугал. Все понимали, что ребенок зацепил крупную рыбу, и сам ее вытащить не может.

Еще в дошкольные годы бегал я с друзьями смотреть, как ловили рыбу сетью. Кстати, заводили сеть с лодок как раз напротив Дома культуры, а вытаскивали на песчаный берег городского пляжа, и рыбы в ней, к нашей мальчишеской радости, было на удивление много, и рыба была разная, но больше всего плотвы и леща.

Городская пристань, к которой причаливали речные трамвайчики, находилась тогда почти напротив электростанции, а рядом с ней, всего где-то в 40—50 метрах, у самой-самой насосной станции был деревянный грузовой причал. Вот на этом-то причале и родился в возрасте семи лет еще один рыбак на земле по имени Женя. Вытащил он на доски этого причала первую в своей жизни прекрасную рыбу под названием – красноперка. Казалась она ему громадной, и кричал он от счастья на всю Неву. Отец еле-еле успокоил мальчишку.

С другой стороны насосной станции стоял полузатопленный старинный буксир с громадной трубой. Однажды в жаркий летний выходной день пьяненький дядя Витя Щербаков залез на трубу этого буксира в своих семейных трусах и прыгнул с нее в воду вниз головой с папиросой «Беломорканал» во рту. К восторгу нас, мальчишек, и под одобрительные возгласы публики, собравшейся на берегу, он вынырнул и продолжал курить, причем пыхтел папиросой так, что дым над ним клубился, как над маленьким буксиром.

Помню, как-то знакомые взяли отца ловить рыбу с лодки.

За вечер он поймал на удочку 36 лещей. Я уже не говорю о том, что леща тогда в Неве ловили прямо с берега, и порой попадались экземпляры весом больше килограмма. Ходили на Неву как в рыбный магазин. Из памяти всплывает такой эпизод. Я, еще дошкольник. Стоим с матерью на берегу, в ногах у нее, черная сумка, в которой трепыхается крупная рыба. Отец в болотных сапогах вываживает на песчаный берег очередного леща, который совсем не сопротивляется, а скользит на боку по поверхности воды, растопырив перышки. После каждой пойманной рыбы мать уговаривает отца идти домой, а тот каждый раз отвечает: «Вот сейчас последний раз заброшу и пойдем».

Лет через пять-шесть после этой рыбалки отличился и я. В один из летних июньских дней с плотов пытался ловить щуку на живца. Надо сказать, что в то время по Неве сплавлялся лес в виде плотов и постоянно целые «гонки» этих плотов стояли напротив Кировска. Ловля была очень простая. Находясь на плотках, сачком черпаешь между бревен, в сачке – живые мальки. Выбираешь подходящего, цепляешь большим крючком за спинку и забрасываешь. От такой подачи щуке видимо отказаться трудно, и за день я изловчился поймать 18 штук, чем сильно потряс воображение всех пацанов и получил в школе уважительную кличку «рыбак».

И было на Неве два особенно успешных периода рыбной ловли. Первый – в июне, когда по реке идет «швед». «Швед» – это такой мотылек, который летит с Ладого, по-

хож на обыкновенную моль, но раза в три крупнее. Для рыбы «швед» – это лакомство, и в самый разгар летит он над рекой тучами. А как только появляется, вся рыба начинает кормиться с поверхности воды, и тогда поймать язя или чехонь на муху не составляет особенных проблем. В этот период ловили все: и дети, и взрослые, и даже те, кто никогда не держал удочку в руках.

Однажды, именно в начале июня, к нам приехал в гости из Ленинграда мой дядя, Владимир Васильевич, рыбу никогда не ловивший. Насадил на крючок муху, забросил и тут же вытащил язя весом почти в килограмм. Радость от этого события не покидала его до конца жизни.

Второй период рыбной ловли – самый длительный, самый, как правило, успешный и самый красивый. Начинаясь он в августе и длился недели три. В это время по Неве шел лещ, и особый клев был ранним утром. Для того чтобы хорошо поймать, нужно было выходить на рыбалку затемно. Красота и восторг в том, что присутствуешь при восходе солнца и при пробуждении великой Природы. Сидишь в лодке, тишина, сумрачно, над Невой небольшой туман. Вдруг появляется первый лучик солнца, и слышен робкий голос одной птички, но тут же второй, третьей, и через мгновение все пернатые во весь голос поют восторженный гимн солнцу. А что творится в это время на реке! То здесь, то там слышны громкие шлепки крупной рыбы. Смотришь на поверхность воды и видишь бурун и появившийся над водой золотой бок, отража-

ющий солнце, затем второй, третий, а потом и сразу с десятков – это косяк лещей приветствует восход солнца. Ни одну картину самого хорошего художника невозможно сравнить с этой прекрасной картиной Природы!

...Прошло время, и уже больше пятидесяти лет как не существует лодочная станция. Лодка с пьяными отдыхающими оказалась несовместимым явлением для такой могучей и полноводной реки, как Нева. К сожалению, воскресный отдых без пьянства большинством кировчан не воспринимался. Типичный диалог после выходных:

– Что делал в воскресенье?

– Культурно отдыхал – пил водку и купался (или – пил водку и играл в домино).

Больше тридцати лет запрещен сплав леса по Неве. Естественный сухой тростник по берегам, который приносила Нева с Ладоги, постепенно вытиснился какими-то синими водорослями, полиэтиленовыми пакетами, бутылками. Рыбы сильно поубавилось, природа в районе Невы явно поблекла, и стала эта быстрая, могучая река зарастать водорослями, как какой-то обычный водоем с непроточной водой.

Побывка

Август. Время к вечеру, но солнце еще высоко и на дворе очень тепло. Иду с автобусной остановки по центральной улице города Кировска. Навстречу по противоположной стороне – бывший одноклассник Шура Петров. Машет мне рукой издалека:

– Жека, Борька вчера приехал, тебя искал!

Я, конечно, обрадовался. Не видел Борю целых полтора года. В двадцать лет полтора года – это большой срок, это много.

Иду домой и ловлю себя на том, что улыбаюсь, а улыбаюсь оттого, что в памяти всплывают забавные фрагменты из школьной и студенческой жизни, которые мне суждено было прожить рядом с Борей.

Борис – человек колоритный, рост за 180 и вес за 80. Парень симпатичный, короткие каштановые вьющиеся волосы, спортивная фигура. Мы с ним не только вместе оканчивали школу и больше года отучились в одном институте и на одном факультете, но и лет пять отзанимались в секции легкой атлетики. Борина специализация – бег 100 метров и прыжки – в длину и тройным. В тройном прыжке был рекордсменом и неоднократно чемпионом Ленинградской области. Еще в школе Боря получил меткую кличку «Кабан». Близкие друзья до сих пор его иногда так называют. Кабана он

действительно напоминает, особенно на стадионе. Эта ассоциация возникает тут же, когда видишь бегущую по дорожке Борину мощную фигуру. Да и имя как-то соответствует кличке.

Главное же качество, которое заставляет вспоминать его с неизменной улыбкой, – это оригинальный юмор. Юмор странный и неожиданный, весь построенный на искренности и непосредственности.

Каждый, играя свои роли в жизни, боится показаться простым или примитивным. Боря не боялся и был в нашей компании человеком, раскрепощающим всех. С ним было легко и всегда весело.

Вот иду, а смех душит – всплыл в памяти эпизод из школьной жизни.

Кабинет физики. Должен начаться урок, который ведет наш классный руководитель Владимир Александрович. Учитель задерживается. В классе атмосфера встревоженного улья, шум такой, что нужно кричать, чтобы тебя услышали. Треть класса, носится с визгом, волтузя друг друга, треть что-то шумно обсуждает и оставшиеся лихорадочно придумывают и тут же реализуют всякие козни и пакости. Наконец входит Владимир Александрович, как всегда чистенький, аккуратненький, в темном костюме и галстуке. Быстро идет к своему столу, в левой руке классный журнал, в правой портфель. Сегодня лицо учителя озабочено больше, чем обычно. Только самые активные и суетливые заме-

тили его появление и остановились запаренные и растрепанные, у своих парт, продолжая между тем выяснять отношения в словесной форме. Должно быть, учитель перекрыл им жизненное пространство. Остальные продолжали свой базар.

Секунд тридцать Владимир Александрович ждет, постепенно напрягаясь и багровея. Вдруг со страшной силой бросает журнал на стол и кричит высоким женским голосом:

– Маааалчааааать!!!

От неожиданности класс замер. На мгновение установилась абсолютная тишина. И в этой тишине раздался Борин голос:

– Я чуть не обосрался!

Класс попал в ужасную ситуацию. Смеяться нельзя и не засмеяться невозможно. Все извиваются, как червяки на крючке, кто всхлипывает, кто рыдает.

После окончания школы ученики нашего класса, конечно, разлетелись кто куда. Но пятеро приятелей – Боря, Стас, Толя, Вадя и я – приняли решение поступить в один институт – Ленинградский политехнический. Все, что нам хотелось, там было: и военная кафедра, и студенческий городок, и хорошая спортивная база, и, наконец, престижность. Несмотря на довольно серьезный конкурс, все успешно сдали экзамены и были зачислены. Нас, теперь уже студентов, поселили в студенческом городке на Лесном проспекте. Были мы в состоянии эйфории, считали, что дело сделано, армия не гро-

зит и ждут нас счастливые, беззаботные студенческие годы.

Как же мы, глупые, заблуждались! Политехнический оказался уж больно серьезным и безжалостным учебным заведением, не пожелавшим поощрять наше шалопайство. К сожалению, мы поздно поняли, что институт – это не средняя школа. Здесь асы, изображающие высший пилотаж, долго не летают. Высший пилотаж – это когда студент на лекции не ходит, знакомится с предметом, который надо сдавать, за три-четыре дня до экзамена и таки умудряется его сдать.

Уже на втором курсе мы не досчитались в своих рядах большинства. Вадя, Толя и Боря были отчислены за неуспеваемость. Одним словом, трое не дотянули до «аэродрома» третьего курса и совершили «вынужденные посадки». Двое оставшихся вовремя спохватились. Побитые и помятые, они все-таки умудрились преодолеть страшную полосу первых двух курсов. Как выяснилось позже, почти половина студентов, поступивших на первый курс, остались в этой полосе.

Это был момент, когда каждый из нас, пятерых приятелей, пошел по жизни своей дорогой.

Начнем с Вади. Весь первый курс бедняга разрывался на части, пытаясь не пропустить ни одного «культурного мероприятия с друзьями», а мероприятия были почти ежедневно, и параллельно вести бурный роман со своей будущей супругой Людмилой. Результат известен.

И пошел Вадя своей дорогой, с первых шагов проявляя

чудеса изворотливости и умение выплывать из почти безвыходных ситуаций. Было сделано так, что военкомат извещение об отчислении этого студента не получил. Поработал Вадя гардеробщиком в институте и через год восстановился.

Толя завалил математику. А два дня спустя, впал он в депрессию, получив «небольшой» довесок к этому «приятному» событию – признание подружки Любаши, что та беременна.

Встречаю в институте нашего общего приятеля и он мне тут же:

– Жека, Толя уже два дня не ест, не пьет, ни с кем не разговаривает. Ты бы зашел.

Жил Толя в то время в другом корпусе, третьем. После занятий захожу, в комнате накурено – хоть топор вешай. Толя одетый лежит на кровати, смотрит не мигая в потолок, во рту папироса, «Беломорканал».

Зашел, сел. Молчим. Минут через пять Толя произносит первую фразу:

– Жека, видишь грязное пятно на стене под потолком?

– Ну, вижу.

– Ты ногой до него достанешь?

Я прикинул:

– Вряд ли. Уж больно высоко.

– А я достану.

Толя встает, подходит к стене. Не вынимая папиросу изо рта, делает резкий мах правой ногой, левая подхватывается

вслед за правой. С грохотом, как бревно, падает у стены, папироса вываливается. Комната наполняется басовитым звуком:

– Ууу...ууу.!!!

Полежав с минуту, он встает, ложиться на кровать, закуривает очередную папиросу и опять смотрит в потолок.

Через три дня депрессия закончилась. Толя тоже пошел своей дорогой, решил забрать документы из института и жениться.

Боря также не сдал математику. Вдобавок к этому невзлюбил его ассистент кафедры физики и не допустил до экзамена. Видимо, непосредственность, и искренность Бори принял он за тупость и недалекость. Лектор, старый профессор физики Голубева, отнеслась к представлению ассистента с недоверием, почувствовав в его мнении личную неприязнь. Через неделю профессор должна была принимать экзамен у очередной группы и попросила Борю прийти к ней во время экзамена на собеседование. Боря завелся и на неделю забыл обо всем на свете, кроме физики. Это было похоже на тренировки с полной отдачей, как перед чемпионатом. Память у Бори отличная, в физике он ориентировался и неделю потратил на постижение тонкостей и глубины понимания.

Целый час длилась беседа Голубевой с Борей. В результате профессор потребовала от него зачетку и поставила «отлично». Этот случай разбирался на одном из заседаний ка-

федры физики, где Голубева поделилась своим удовольствием от беседы с таким знающим студентом и потребовала от ассистентов пересмотреть свое отношение к студентам с субъективного на объективное.

Институту Боря все доказал, но математику пересдавать не стал, документы забрал и пошел тоже своей дорогой. Он видимо понял, что механика – это не то дело, которым должен заниматься в жизни. Через пару месяцев Борю уже призывали в армию. С тех пор мы и не виделись.

...И вот, наконец, встреча. Выглядит отлично, ладный, плотный, румяный. Энергия прет, в глазах чертики, значит все еще заряжен на всякую шкodu. Гуляем по городу и разговариваем, разговариваем и не можем наговориться. Выяснилось, что Борис – старший сержант и только что работал на выставке вооружений, обслуживал современную технику своего рода войск. В их раздел заходил Юрий Гагарин, задал несколько вопросов. Отпуск домой на две недели – это поощрение за хорошую работу на выставке.

В конце встречи Борис заговорил о главном. Я все время чувствовал, что-то Боре еще надо, да как-то он все не решается спросить. И уже прощаясь, наконец, решился:

– Жек, так соскучился по девчонкам. Познакомил бы меня с какой посимпатичнее?

Ответ на, казалось бы, сложный и неожиданный вопрос у меня, как это ни странно, был готов. Встречался я в то время с Вале́й, не из Кировска, а из Невской Дубровки, рас-

положенной на другой стороне Невы. Все, конечно, знают, что лучшие девчонки живут в соседней деревне, мы это тоже твердо знали. У Вали была подружка Галя. В Кировске на танцах они всегда были вместе. Галя – симпатичная высокая стройная брюнетка, но уж больно разборчивая. Мальчики вокруг крутятся, она легко флиртует, но от Вали знаю, что сердце ее свободно.

Имея в виду Галю, я тут же отвечаю:

– Боря, нет проблем. Как ты относишься к брюнеткам?

Боря, робко:

– Хорошо. Если красивая да веселая.

Я, бодро:

– Веселая – это точно, но уж больно разборчивая.

Сам прикидываю, как организовать знакомство. Сделать это нужно быстро. У Бори отпуска осталось всего 11 дней.

Боря:

– Когда и где?

Немного подумав, я, наконец, сообразил:

– Так, завтра воскресенье. Давай я к тебе зайду в полшестого. В шесть часов встретимся с девушками на площади у Дома культуры, познакомлю тебя, погуляем, а в восемь пойдем на танцы.

Боря:

– Идет.

На следующий день подхожу к Бориному дому в назначенное время, он уже ждет меня на улице. Подхожу и про се-

бя ахаю: уж больно Боря круто выглядит, настоящий Джеймс Бонд. Гладко выбрит, за два метра ощущается аромат дорогого одеколона. А как одет! Это чудо какое-то! Итальянский светло-коричневый плащ-болонья, толстая импортная рубашка с красивым рисунком, кожаные туфельки с острым носом чешской фирмы «ЦЕБО».

Все, что я увидел на Боре – это была моя несбыточная мечта. Он, конечно, почувствовал мою реакцию и, видимо, чтобы снять вопросы, сказал:

– Старики приодели. В честь встречи.

Я все-таки не удержался от вопроса:

– Почему плащик?

– 74 рэ.

– Ого!!! – вырвалось у меня.

– Зато настоящая Италия, – сказал Боря после небольшой паузы и, чтобы примять мою зависть, продолжил: – Представь, Жек, в Италии эту болонью девать некуда, в магазинах в нее селедку бесплатно заворачивают.

Идем по Советской улице к площади. Я снова с вопросом:

– Выглядишь ты не слабо. Но что это у тебя карманы так оттопыриваются? Бутылки там, что ли?

Боря молчит, только загадочно улыбается. Где-то через полминуты отвечает:

– Это, Женя, у меня взрывпакеты. Если девчонка понравится – будет на Неве салют, а если не понравится, заброшаю вас этими гранатами.

Проходим мимо стадиона. Я опять с вопросом:

– Борь, ты хоть продемонстрируй свою бомбу в действии.

Мы останавливаемся. Боря достает из кармана что-то напоминающее коричневый патрон, только большой и толстый, внизу сбоку торчит кусочек бикфордова шнура. Он зажигает спичку, подносит к шнуру, тот начинает противно шипеть, выделяя струйку дыма. Чувствую какую-то тревогу и благо- разумно пытаюсь хотя бы на шаг отойти в сторону. Секунды через три Боря швыряет пакет над стадионом. На высоте примерно шести метров раздается оглушительный взрыв, сопровождаемый большим клубом дыма. Скрыть восхище- ния не могу:

– Да, Боря – эффектно.

Выходим на площадь. Девчонки уже стоят у памятника Кирову. Идем через площадь. Теперь Боря с вопросом:

– Жек, моя какая?

– Слева.

Проходим шагов десять. Боря:

– Вроде ничего.

Подходим. Здравуемся. Представляю:

– Борис, мой лучший друг. Спортсмен, чемпион, приятель Юрия Гагарина.

Валя:

– Женя, ну не загибай. Про Гагарина точно врешь.

Делаю удивленное лицо:

– Боря, скажи?

Боря скромно:

– Ну, какие приятели, так, знакомы.

Идем по дорожке молодого парка на высоком берегу Невы. Девочки все пристают к Боре с Гагариным. Боря само-забвенно и очень убедительно врет. Вопросы Гагарин задавал именно ему, Боре, и как ловко он на них отвечал, и как, расставаясь, Гагарин пожал ему руку. Вдруг Боря останавливается и протягивает Гале правую руку:

– Крепко пожми.

Галя смеется. Жмет Борину руку:

– Ну, пожалала.

Боря с серьезным видом:

– Ты поздоровалась с Гагариным.

Она останавливается. Смеется:

– С каким Гагариным? С тобой.

Боря:

– Глупая. Я с тех пор руку не мою, а на ней отпечаток руки Гагарина.

Галя улыбается:

– И давно не моешь?

Боря смотрит в небо, что-то про себя считает. Наконец отвечает:

– Девятнадцать дней.

Девочки неуверенно улыбаются. Ясно, что Боря их почти убедил, и вера с неверием разделились в пропорции 50 на 50. Выходим к большой круглой клумбе, у которой стоит пара

парковых скамеек. Боря останавливается и с деловым видом вытаскивает из кармана очередной взрывпакет:

– Сейчас будет салют!

Девчонки внимательно наблюдают. Пакет агрессивно оцетинился коротким куском бикфордова шнура. Очевидно, что Боря Гале понравился, и она уже проявляет о нем активную заботу:

– Боря, а это не опасно?

Боря, после некоторой паузы, с достоинством:

– Опасно! Для зеленых лопухов. Вот у нас в части пару месяцев назад у одного лопуха рванул пакет в руках.

Девочки хором:

– Ну и что?

Боря:

– Что, что, пальцы оторвало и всех делов-то.

Девочки с опаской смотрят на взрывпакет:

– Боря, а где нам стоять?

– Идите к скамейке, – распорядился он.

Девчонки быстрыми шагами уходят к скамейке и останавливаются метрах в семи-восьми от нас.

Боря поджигает шнур. Я бесстрашно стою в метре от него. Боря неожиданно оцепенел и пакет почему-то не бросает. В последнюю секунду, почувствовав неладное, я успеваю сделать шаг в сторону. Раздается оглушительный взрыв. Горячая взрывная волна бьет мне в грудь, на мгновение отключаюсь...

Мир постепенно возвращается в ощущениях. Слышу назойливый звон в ушах. Окружает меня черный плотный дым, вокруг летают какие-то клочки бумаги. Сквозь дым начинает просвечиваться Борина фигура. Он стоит неподвижно, как памятник, с поднятой правой рукой. Вспоминаю про лопуха, в животе холодеет. Внимательно смотрю на Борину руку: она, слава Богу, цела. Дальше вижу подобие накидки из болоньи, в которую превратился роскошный итальянский плащ, взрывная волна разорвала его по швам. Со всем не в тему начинает душить смех, представил, как хорошо в эти болоньевые полосы можно заворачивать селедку. Взгляд останавливается на Борином животе, внутри опять все холодеет – в нем дымится черная дыра диаметром сантиметров тридцать. Вдобавок почудился запах паленого мяса. Я уставился на Борин живот, дым рассеялся еще больше, и я рассмотрел, что это не дыра, а черная копоть на коже. Дымятся же обгоревшие края толстой заграничной рубахи, которая, видимо, спасла Борин живот от более серьезной травмы. Боря все стоит в той же позе. Вспоминаю про девчонок. Перевожу взгляд на них. Они почему-то держатся за животы, и вижу, что хохочут. Ощущение, что нахожусь внутри немого фильма. Вижу, но ничего не слышу. Пытаюсь вывести Боря из оцепенения. Говорю:

– Боря, ты в порядке?

Вроде говорю, но слышать ничего не слышу. Мелькает мысль, что он тоже ничего не слышит. Делаю шаг по направ-

лению к Боре и вижу, что в его глазах появляется мысль. Наконец Боря зашевелился, опустил правую руку и начал ее ощупывать левой. Я внимательно рассматриваю Борин живот. Пятно похоже на громадную татуировку в виде овальной кляксы. Под кожей полно гари и даже мелких кусочков бумаги, кое-где выступили капельки крови. Боря взял меня за плечо и показал глазами на Неву.

Держась друг за друга, мы медленно пошли к реке. Видно, сильно пекло живот, и Боря прямо в одежде лег животом в воду на мелководье. Минут пять он лежал неподвижно, на лице можно было прочесть подобие удовольствия. Наконец Боря очухался настолько, что осознал необходимость двигаться к дому.

И повел я контуженого приятеля домой. По дороге начал возвращаться слух, и я стал выяснять, что случилось, почему не бросил взрывпакет.

Оказалось все очень просто. В последнее мгновение Боря на секунду задумался. Когда зажег бикфордов шнур, на глаза вдруг попала большая глиняная урна, и мелькнула «мудрая» мысль пакет не подбросить, а кинуть в урну. Этой мысленной заминки хватило, чтобы случился такой страшный конфуз.

До конца отпуска Боря с друзьями почти не встречался, а в основном сидел дома, залечивая раны и восстанавливая пошатнувшиеся взаимоотношения со своими родителями.

Каждый день, как только над Кировском опускались су-

мерки, на Неву на маленьком парашютике медленно опускалась горящая белым ярким светом и тоскливо воющая ракета.

В темноте ходил на Неву и расстреливал привезенный арсенал Борис. Должно быть, ему это нравилось. Видно, состояние души где-то соответствовало звуку, издаваемому ракетой под названием «Сигнал химической тревоги».

После этого случая Боря сильно изменился. Совсем пропала бесшабашность в поведении. Он резко повзрослел.

Жизнь так устроена, что все мы, идя по ней, в какой-то момент переходим в другую возрастную группу и переходим скачкообразно.

Видимо, Борин ангел-хранитель поставил такую жирную точку на затянувшейся юности, оберегая, наверное, его от более крупных неприятностей.

О памяти

*Хранить свое прошлое является
долгом каждого народа.*

К. Леви-Стросс

*Музыка жизни умолкнет,
если оборвать струны воспоминаний.*
Джером К. Джером

Почему так? Человек, достигший зрелого возраста, порой с трудом вспоминает события, которые были недавно, но почти всегда легко вспоминает то, что было в его детстве и юности. Причем картинки того давнего времени видятся так ярко, как будто события происходили вчера. Хорошо помню день, когда я впервые обратил внимание на это явление. Праздновали пятидесятилетие отца. Собралась теплая компания из друзей и родных. Все друзья отца – украинцы, которых, как и его, забросила война на берега Невы. Было уже поздно, наговорились, напелись, но расходиться почему-то не хотелось. Отец начал вспоминать забавные эпизоды школьной и довоенной студенческой жизни. Рассказывал выразительно, подробно, так тепло и проникновенно, что все затихли и внимательно слушали. Лицо отца помолодело, на нем появилось что-то детское. А потом наступило как раз то, что меня особенно удивило и даже потрясло. По-

сле небольшой паузы он начал читать стихи:

Кохайтеся, черноброві,
Та не з москалями,
Бо москалі – чужі люди,
Роблять лихо з вами.
.....

И так «Катерину» Тараса Шевченко отец прочитал до конца, ни разу не сбившись. Сразу после наступила очередь «Думки»:

Тяжко, важко в світі жити
Сироті без роду:
Нема куди прихилиться, —
Хоч с гори та в воду!
.....

Все сидели тихо, внимали, мягкому, округлому, музыкальному украинскому языку. Одно стихотворение плавно переходило в другое. Это длилось минут двадцать. Когда он закончил, кто-то захлопал от избытка чувств.

Я же был буквально шокирован. Не предполагал, что отец, этот сухой технократ, когда-то увлекался поэзией. И не представлял, что у человека может быть такая память.

Потом не раз я приставал к нему, чтобы почитал украинские стихи. Отец откликался, но уже никогда у него не по-

лучалось так, как это было в день юбилея. Сбивался, то забывал середину, то конец.

Прошло много лет. Вот и я достиг зрелого возраста, и у меня в памяти начали совсем не последовательно, но очень ярко высвечиваться фрагменты жизни. И, удивительное дело, самые светлые были те, которые связаны с Украиной. Странно то, что я, в отличие от отца, там не родился и не жил. Правда, в детстве каждое лето бывал на родине отца. До шести лет почти ничего не помню. Вот он – первый фрагмент, который выплывает из памяти ясно и отчетливо.

Мы с отцом едем поездом из Днепропетровска в Новома-
рьево. Я сижу у окна и, не отрываясь, смотрю. Все здесь
другое, не такое как на севере: и дома, и вокзалы, и природа,
и погода. Домики точно как на картинках – белые и покрытые
соломой. Поезд летит мимо этих домиков и мимо бескрай-
них полей в светлом, светлом пространстве, наполненном
неумолкаемым стрекотом цикад, затягивая в свои открытые
окна раскаленный воздух, наполненный непривычными аро-
матами, а временами и дымом паровоза. Вот, наконец, он
останавливается, и мы, счастливые и радостные, выходим
на маленькой станции с красивым названием – Незабудино.
Станция не только имеет красивое название, но и представ-
ляет собой зеленый оазис в желтой степи. Это одноэтажное
красное кирпичное здание, вокруг которого растут высочен-
ные пирамидальные тополя. У вагона нас встречает родной

папин брат, усаживает нас в свой мотоцикл с коляской, и мы, поднимая клубы пыли, едем по дороге, по обеим сторонам которой поля: то пшеницы, то кукурузы, то подсолнечника.

Не прошло и четверти часа, как нас, со слезами радости на глазах, уже встречают во дворе родового отцовского дома. И тут же во дворе бабушка знакомит меня с соседским мальчиком, которого звать Петя, но все зовут его Петро. Мальчик такого же возраста, как и я, и в нашем дворе был не случайно, ждал он, оказывается, моего приезда. Мы с таким интересом отнеслись друг к другу, что отказались идти за стол обедать и пошли гулять через огород по направлению к саду. Мы наперебой делились своими глубокими познаниями и хвалились друг перед другом своими умениями, стгоряча не очень-то обращая внимание на то, что языки наши, мягко говоря, не совсем стыкуются. На первых порах главное было рассказать, а не выслушать. Идиллия длилась недолго. Минут через десять мы чуть не подрались и прибежали оба к бабушке жаловаться. Я, на правах гостя, начал первым:

– Бабушка! Бабушка! А чего он кривляется и выдумывает всякую ерунду?

Бабушка села на лавку:

– Ну, так что случилось?

– А мы идем по огороду, я и говорю: «Петро, смотри какой маленький арбуз». А он засмеялся и говорит, что это не арбуз, а кавун. Потом показал на тыкву и сказал, что это арбуз.

Бабушка слушает меня с улыбкой, а я раскрываю кулачок

и показываю бабушке. На моей ладошке сидит божья коровка. Видя поддержку, я продолжаю:

– Вот, бабушка, божья коровка, а он говорит, что это солнышко, а солнышко, вон оно. – Я показал пальцем вверх и замолк, довольный своей четкой аргументацией.

Воспользовавшись паузой, начал делиться своими впечатлениями Петро:

– Баба Фима! Во брешэ, во брешэ. Чи там у Лэнінграді усі такі брехуны.

Бабушка засмеялась и, обняв нас, сказала мне:

– Женя, ты говоришь все правильно.

Потом посмотрела на Петра:

– И ты, Петро, прав. Просто люди в разных местах одно и то же называют по-разному. В Ленинграде говорят арбуз, тыква, а у нас в Марьевке это кавун, гарбуз. Ты, Женя, приехал в гости к нам, в Марьевку, и должен учиться называть вещи так, как принято у нас. А когда Петро приедет в гости к вам в Ленинград, то будет учиться говорить так, как говорите вы. Так что, Женя, ты учишься говорить по-нашему, а Петро тебе будет помогать.

Бабушка встала и пошла к обеденному столу, а мы с Петром побежали в сад. Целый месяц мы гуляли вместе и за все это время ни разу не поссорились.

– Женя! Фасолевый суп любишь! – кричит бабушка в сторону сада.

Я стою у любимого сливового дерева и угощаюсь желтыми

сахарными сливами.

– Люблю, – отвечаю.

– Тогда иди ко мне.

Захватив несколько слив про запас, бегу к бабушке. Она, улыбаясь, протягивает мне кошелку:

– Раз любишь, то вот тебе кошелка. Иди в огород и набери в нее стручков. Фасоль уже созрела. А на столе, вон видишь, лежит холщовый мешочек. Сколько фасоли наберешь в мешочек – все твое. Зимой в Ленинграде мама сварит твой любимый фасолевый суп, будешь есть и вспоминать Украину.

Да! Украина вспоминается, как сказка из «Тысячи и одной ночи», как что-то очень светлое и жаркое, но с темными-темными ночами, абсолютно черным бархатным небом с яркими звездами и четко обозначенным Млечным путем. И озвучена эта красота круглосуточным стрекотом цикад. Вспоминается она своими пирамидальными тополями, безбрежными, как моря, полями, лесополосами из колючего глядыча, и обилием вкусов в виде разнообразных фруктов, винограда, арбузов и дынь.

И конечно, какая же там была интересная мальчишеская жизнь, большая часть которой проходила рядом с водой. Вода в ставках всегда очень мутная, и совсем неожиданным было обилие живности, которая в этой грязи водилась: и карпы, и караси, и раки. А какие там лягушки! Это настоящие великаны, и название у них интересное – скрекотень. Размерами эта лягуха раза в три превосходит лягушку северную.

Идешь с удочками, а они с крутого берега прыгают от тебя в воду и летят по воздуху метра по три-четыре.

Жить тогда на Украине было интересно, но очень непросто. В сельских магазинах продукты практически не продавались, не было даже хлеба. В нашем селе жила женщина, которая выпекала его два раза в неделю и сразу на все село. Хлеб был одного сорта – серый пшеничный, а по форме – круглый. Основная часть зарплаты выдавалась в виде трудовых, а это было зерно или кукуруза. Иногда выдавали арбузы, и тогда, как это ни странно может показаться, их солили на зиму. Продукты питания приходилось добывать. Я с шести лет был страстным рыбаком, и мой улов на ставке карасей и карпов воспринимался совсем не как баловство и развлечение, а как добыча продуктов питания.

Много радостных моментов помнится из того времени. Но есть такие, которые стоят особняком, когда вспоминаются – невольно появляются слезы на глазах от вновь переживаемой радости и невозвратности этих прекрасных минут жизни.

Украинцы на берегах Невы жили как родственники, одной семьей. Встречались часто; дни рождения, посылки с родины. Посылку мы получали всегда к ноябрьским праздникам. Ее я ждал с особым нетерпением. Это событие обозначало интересный и радостный день, который выходил за рамки одной семьи и начинался всегда так.

Все стоят вокруг стола и, как замороженные, смотрят

за действиями отца, который с помощью молотка и стамески неторопливо и аккуратно вскрывает волшебный фанерный ящик. Первое, что всегда достается из него, – это письмо, как правило, длинное, начинающееся приветами каждому персонально, и со многими подробными бытовыми описаниями. Оно с умилением и комментариями зачитывалось тут же вслух. Дальше из посылки извлекались поочередно: сало, семечки, сухофрукты и всегда мешочек муки, в котором вперемешку с мукой – отборные куриные яйца. Но самый главный продукт, которому все радовались особенно, – колбаса, сделанная из кабана, которого резали там в октябре. Главным продуктом она была не случайно – более вкусной колбасы на свете просто не существует.

Сейчас я чаще вспоминаю Украину, наверное, еще и потому, что все мое детство было расцвечено яркой краской встреч нашей украинской диаспоры. Встречи эти – всегда красивый и веселый праздник: сочный выразительный язык, неподражаемый юмор и удивительные по красоте застольные песни. Жалею об одном, что мои дети и внуки никогда не увидят это чудо, а те, кто его создавал, уже ушли в мир иной.

Это моя жизнь и моя память. У каждого жизнь своя, и, даст Бог дожить до зрелых лет, откроется своя память у каждого. И очевидно, по этой же схеме – самое светлое и чудесное будет вспоминаться из детства. Должно быть, Господь так устроил для того, чтобы не забывали, ценили мы про-

шное и понимали, что без памяти о нем не может быть здорового будущего.

Деревня Сологубовка

Жизнь моя в молодые годы протекала отчасти в деревне Сологубовка, расположенной всего в двадцати пяти километрах от города Невдубстроя впоследствии Кировска, в котором я родился. Дело в том, что эта деревня – родина моей матери, и жила там не только моя бабушка, но и полдеревни близкой и дальней родни.

Сологубовка 50—60-х годов вспоминается в полном соответствии с описанием русской деревни нашими классиками. Надо сказать, что и деревня-то классическая. Центральная дорога, по обеим сторонам которой расположены избы. На задах, вдоль всей деревни, протекает быстрая речка Мга. За рекой высокий холм, на котором расположена красивая, но с разрушенной колокольней, церковь. (Местный колхоз использует ее как склад). Деревня упирается в барскую усадьбу, в которой частично сохранился барский дом в два этажа и парк с вековыми дубами и липами. Судя по возрасту деревьев, парк был посажен лет 150 – 200 назад. За парком – «гульбище». Видимо, там в старину молодежь водила хороуды, жгла костры, веселилась.

От станции Мга до Сологубовки восемь километров. Поезд из Невдубстроя приходил на станцию Мга трижды в сутки. Прямо у поезда собиралась группа, порой человек до двадцати, и шли пешком. Кто-то шел до деревни Пухо-

лово, расположенной как раз на половине пути, а основная масса направлялась в Сологубовку или Лезье. Дорога утомительной не казалась даже в знойное лето, поскольку все друг друга знали и шли с разговорами, шутками и смехом. Как только проходили Пухолово, всегда устраивали небольшой привал.

Подходим к Поклонной горе, с нее открывается прекрасный вид на деревню и церковь. Старые люди ставят на дороге свои котомки и истово крестятся. Мы продолжаем путь, спускаясь с очень пологой Поклонной горы в деревню. Именно этот кусочек дороги запомнился мне на всю жизнь. И запомнился он почему-то знойным летом.

Идем по дороге, и кажется мне, что спускаемся в волшебную долину, наполненную очень горячим и ароматным воздухом, и в этой долине неистово стрекочут кузнечики, совсем как цикады на юге. В душе восторг и ликование, усталости как не бывало. Такое настроение, наверное, у всех, поскольку наша группа явно добавляет ходу. Веселые и бодрые входим в деревню. У каждого дома обязательно стоит хозяйка, кланяется в пояс и приветствует нас. «Здоровкается», как говорят местные, при этом остренькими глазками внимательно рассматривает каждого, соображая, кто таков и к кому идет.

Входим мы в деревню Сологубовку, которая простирается вдоль реки до самого моста. Сразу за мостом на холме Успенская церковь. Своим названием деревня обязана гра-

фу Ивану Антоновичу Соллогубу. Польский шляхтич сделал в России военную карьеру, став генерал-майором. В 1784-м получил от Екатерины II в подарок имение Успенское, куда переселил своих крестьян из Польши и Литвы. После Сологуба деревней владели купцы Кусовниковы. С 1837 года начинается юсуповский период владения имением. Князь Борис Николаевич Юсупов стал в 1849 году инициатором строительства каменной церкви Успения Божией Матери. Успенская церковь была построена в 1851 году по проекту петербургского архитектора В.Е.Моргана на высокой конусообразной «Божьей горе». Проект церкви в 1850 году утвердил сам император Николай I. В 1880 году по инициативе церковного старосты Дмитрия Бычкова и настоятеля Успенской церкви протоиерея Николая Лебедева храм был расширен и построена колокольня. Освященный в 1881 году храм сохранился в таком виде, и после революции.

Сразу за Успенской церковью начинается деревня Лезье. Обе деревни до революции входили в имение Юсуповых Благовещенское. Интересно, что Сологубовку и Лезье населяли совсем разные люди, и контактов между ними почти не было. Разными они были абсолютно во всем. Жители деревни Лезье занимались земледелием, а в Сологубовке проживали сапожники и столяры (мой дед Кузьма был сапожником). Лезье населяли православные, которые и были до революции прихожанами Успенской церкви. В Сологубовке жили раскольники-федосьевцы, которых Сологуб при-

вез из Польши. Староверы в Успенскую церковь не ходили, и до войны у них был свой молебельный дом. Когда верующих поубавилось, молиться стали в домах прихожан. Староверы жестко соблюдали ритуалы, установленные верой. В быту – это культ чистоты, каждый пользуется только своей посудой и своими столовыми приборами, ко всем праздникам генеральная уборка жилища обязательна, курить в доме запрещено и т. п. На православных смотрели сверху вниз, веру их считали неправильной, а самих православных называли грязнулями. Молодежь же и вовсе считала лезьенских неверующими, поскольку церковь была закрыта, а ее настоятель репрессирован властью.

Несмотря на все это молодежь деревень тянулась друг к другу. Летом, теплыми вечерами устраивали они танцы под баян или гармонь на границе между деревнями на мосту через речку Мгу. Аккомпанировал танцам, конечно, и постоянный шум падающей с плотины воды.

Моя бабушка, Евгения Прокофьевна, была одним из самых главных действующих лиц в группе староверов. Интересно, что на современном русском языке она не читала вовсе, но бойко читала духовные книги по-старославянски. Службы чаще всего проходили в доме бабушки, поскольку ее дом в деревне был самым большим, и у нее сохранились старинные иконы, одна икона, помню, в большом серебряном литом окладе.

Насилия, по поводу веры, бабушка никогда не чинила.

Однако я из любопытства с ранних лет довольно часто присутствовал на службах. Поражали книги, которые читали во время службы, да то, пожалуй, и не книги, а фолианты какие-то, только толщина сантиметров пятнадцать. Текст написан вручную, красивыми буквами, по-старославянски.

Книги на службу откуда-то каждый раз приносили, а сразу после окончания молитв уносили. Руководила службой неизменно Прасковья Федоровна Пешкина.

Пашечка Пешкина (так ее все называли) – самый грамотный человек в деревне и, пожалуй, единственный, кто мог толковать Священное Писание. Последний раз я присутствовал на службе, которую она вела, в конце 1974 года. Прасковья Федоровна была уже 90-летней старицей и почти все время сидела под иконостасом. Служба длилась всю ночь, и мы с питерским приятелем Володей Павловым отстояли ее до самого утра. Своей стойкостью произвели впечатление на всех и получили утром приглашение от Прасковьи Федоровны выпить чаю вместе с прихожанами. Мы сбегали в сельмаг, принесли бутылку водки. От рюмочки ни одна старушка не отказалась.

Дети Евгении Прокофьевны хоть и называли себя староверами, но были атеистами, и я никогда не видел, чтобы бабушка вела среди них религиозную пропаганду. Как же сильно она от всех отличалась! В семьях таких крепких и энергичных людей, как ее дочери, да и между дочерьми, трения, конечно, возникали, и бабушке всегда хватало мудрости без

шума и быстро улаживать конфликты. Теперь я понимаю, что эти большие сильные люди, дочери со своими мужьями, внутренне ощущали духовное превосходство над собой маленькой безграмотной старой женщины, слушались и уважали ее.

Помню, одна из дочерей пришла жаловаться на своего мужа. Бабушка спокойно выслушала, попросила позвать мужа и говорит:

– Петя, выйди со своей женой во двор и дай ей хорошенько.

Петя, конечно, не послушался, но дочь была поставлена на место и конфликт исчерпан.

Безусловно, вера давала мудрость, силы, и накладывала особый отпечаток света и благородства на внешний вид бабушки. Этот свет, как и свет солнечный, можно разложить на семь основных составляющих, там присутствуют любовь, справедливость, терпимость, мудрость, доброта, смирение и красота. Таких лиц, к сожалению, так мало, даже на службе в храме они встречаются нечасто. Такое лицо у отца Вячеслава (настоятеля храма в Сологубовке). При первой же встрече не проповедь, хотя и проповедь тоже, но весь облик его и, главное, лицо покорили меня.

Деревенский быт 50-х годов мало, чем отличался от дореволюционного. Интересно, но через бабушку и ее товарок мне удалось почувствовать то, дореволюционное, время. Помощниками здесь были их вера (старообрядчество) и их пол.

И то и другое – консервативные начала. Не случайно от них я никогда не слышал слова Ленинград, а только Питер.

Идиллия дня в деревне. Сплю на русской печи (летом любимое место сна – сеновал на чердаке). Первое пробуждение от крика петухов, следующее – уже от шума самовара. Самовар, конечно же, на углях, и поставить его целый ритуал. Для меня бабушка варит на завтрак яичко. Варит забавно: моет его, заворачивает в марлю, опускает в кипящий самовар и прижимает крышкой. В это время на чай приходит соседка. Чай в деревне не завтрак, не потребление пищи – это важное культурное мероприятие.

Чинно подруги садятся за стол, на котором уже пытит самовар, наливают чай, и начинается неспешный разговор. Чай пьют очень горячий из блюдца и вприкуску с самыми дешевыми конфетами под названием подушечки. Разговор начинается, как правило, с хозяйства.

Обсуждается, как несутся куры и как петух с ними управляется, каковы у него отношения с петухом соседки. Тут же затрагивается жизнь и взаимоотношения других важных животных, например котов. Неспешный разговор плавно переходит на детей, внуков, соседей. Особое место занимает больная тема – пьянство и непутевость мужиков. Иногда, в случае когда кто-то проходит по дороге мимо окон, беседа переключается на некоторое время на проходящего, а потом снова возвращается в свое русло. Заканчивается чаепитие обычно разговорами о богомолье и о чудесах.

Я уже совсем проснулся и думаю, куда сегодня уговорить идти приятеля Шурку – на рыбалку, или за грибами? Есть, конечно, и другие варианты. Взять, например, фонарик и забраться в подполье церкви, но туда лезть страшно, там могилы. В прошлый раз заглядывали в пролом и видели там громадную плиту, на которой написано, что под ней лежит купчиха и скорбит о ней купец второй гильдии.

День в детстве длинный, и успеваем мы с Шуркой и за грибами, и на рыбалку, и в церковь. Ложусь спать, в комнате темно, горит только лампадка у иконостаса. Там же, у иконостаса, бабушка с табуреточкой для поклонов, в руках лестовка. Засыпаю под бесконечную молитву:

– Господи, помилуй... Господи, помилуй... Господи, помилуй...

В Сологубовке штук пять больших домов в два этажа, первый этаж из бутовой плиты, а второй из бревна. Все дома построены до революции. При советской власти ни одного частного строения хотя бы близкого по размерам к этим домам не появилось. Все только разваливалось и постепенно приходило в негодность.

В деревне все на виду и цена каждого всем известна, а ценились у мужиков умение и трудолюбие. Умелый да трудолюбивый, да из путевой семьи имел возможность взять хорошую невесту, построить большой дом и наплодить детей. Бабушкины семь детей имели семьи, все упорно трудились в разных областях народного хозяйства, но никто из них при

советской власти не смог построить двухэтажного дома и вырастить больше двух детей.

Советская власть разрушила здоровый деревенский уклад жизни, сложившийся за столетия, она перевернула все с ног на голову. Пропало понятие «непутевый». Природно-непутевые с руками и головой набекрень, были поставлены у власти, а путевые названы кулаками и ограблены. Самое главное и ценимое мерило правильности жизни – жить по совести, а значит, по заветам Христа, властью было высмеяно и уничтожено.

Результат – разруха и доблестное пьянство мужчин на деревне. В Сологубовке даже мощное противодействие пьянству староверами не затормозило процесс. Вера, аскетизм и консерватизм староверов были в сильном противоречии с идеологией существующей власти.

Власть победила, и службы староверов в деревне прекратились. Победила ловким приемом, оторвав от корней и переманив в свои ряды морально нестойкое молодое поколение.

Наблюдая текущую во времени жизнь Сологубовки, можно с уверенностью сказать, что тоже было и по всей стране, пожалуй, еще и в худшем варианте.

Уж очень красивое место для постоянного жительства выбрали наши предки. Через всю деревню протекает быстрая река Мга, очень похожая на горную речку, но только вода в ней коричневая. Свою воду Мга несет из болот и бежит

в глубоком овраге, глубиной местами метров двадцать. Дно и обрывистые стенки оврага – известняковые плиты. Сологубовка находится в месте, где река разворачивается почти на 90°. В этом углу один берег пологий, здесь-то и расположилась деревня. Видимо, Сологубовка заняла место древнего озера, в которое когда-то впадала река. Поскольку деревня в низине, отличается она от всех окружающих ее населенных пунктов своим микроклиматом. Замечено, что летом в Сологубовке на два-три градуса теплее, чем, например, в Кировске.

Речка в детстве представлялась чем-то волшебным. Что только в ней не водилось, причем в изобилии: налим, голавль, бычки, лежаки, и, конечно, широко распространенная рыба – ерш, плотва, окунь и щука. Громадными стаями плавала удивительная рыбка под странным названием «сека». Самочка серенькая, маленькая, самцы значительно крупнее и пестрые до невозможности – зеркально-сине-красно-зеленые, в точности красивые аквариумные рыбки. Рыбу эту очень любили дети, коты и один деревенский дед с громадной бородой. Дети любили ее ловить, уж очень хорошо она клевала, коты – есть, а дед из этой рыбки любил уху. Местное население «секу» почему-то в пищу не употребляло, видно, настораживала пестрая окраска самцов.

В какой-то период лета по реке в изобилии шла минога. Порой видишь: с десятков миног присосались к одному камню на дне и развеваются по течению, как водоросли. Местное

население к миноге относилось брезгливо и даже за сходство со змеями опасалось ее.

Кто-то мне рассказал, или я вычитал, что минога вкусный, деликатесный продукт. И вот однажды в течение получаса руками наловил я в речке с десятков миног. Принес во двор. Ну, думаю, сейчас нажарю и попробую, что это за деликатес такой. Разжег во дворе печь, а летом тогда готовили на улице, поставил сковородку, налил масла, положил миноги, и тут во дворе появляется бабушка и со словами: «Ах ты, бес этакий, сковородку мне змеями поганить» – выбрасывает весь деликатес котам. Таким образом, проба этого продукта оттянулась на целое десятилетие.

В то время река была разделена плотиной. Выше плотины она была полноводная, тихая и такая проходила по парку барской усадьбы. Словосочетание «пойдем в парк купаться» – будит приятные воспоминания. Ниже плотины вода бежит быстро и напоминает горную речку.

На плотине в будке находился почти постоянно старый, старый дед. Звали его все мельником, говорили, что раньше здесь была мельница, и он был ее хозяином. Сейчас там стояла динамо-машина и давала электроэнергию для освещения деревни, а мельник надзирал за ней. Несмотря на почтенный возраст, иногда он крепко выпивал, а выпив, спал на мешках в будке. Водку он добывал с помощью натурального обмена. Поздно вечером поднимал шлюзы, за ночь вода уходила, а в лужах оставалась рыба. Крупную он собирал в корзину,

садился с ней у своей будки и рыбу менял на водку.

Дед он был добрый, с мальчишками дружил и в лужах оставлял рыбу и для нас. Если не прозевать момент и встать очень рано, то из луж можно было сачком наловить еще много рыбы. Как только он опускал шлюзы, вода быстро наполняла реку, и рыба из луж уходила в нее.

Установил мельник рекорд долгожительства для мужчин этой деревни, не побитый и до сих пор. Прожил он на белом свете 93 года.

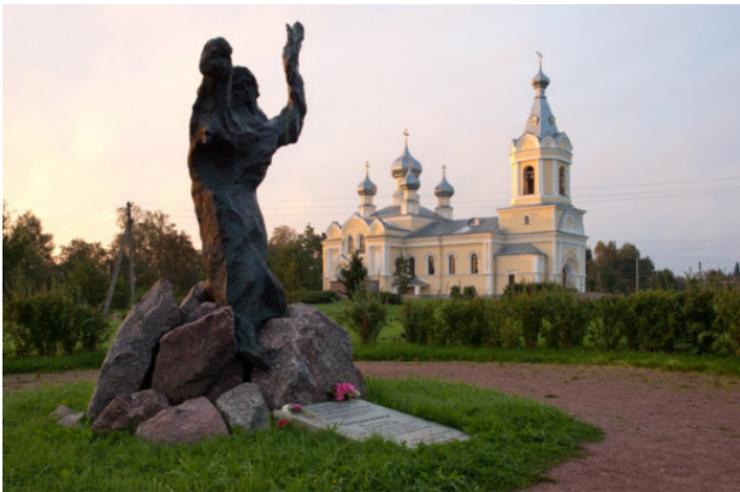
За время, проведенное в деревне, удалось мне обойти все окрестные леса и болота.

Как же природа здесь была богата на свои дары! Грибы – на любой вкус: белые, красные, подберезовики, называемые здесь обабками, лисички и опята. Особенно большое изобилие ягод. В разное время лета мы ходили за гоноболью, малиной, черникой, морошкой, а осенью – за брусникой и клюквой. И носили все это богатство ведрами и корзинами. Любимая ягода почти всех и гвоздь каждого сезона, конечно, морошка. Варенье из нее восхитительное, вкус медовый, а когда его варят, то медовым ароматом пропитывается весь дом.

Прошло много лет, и красоты в деревне и вокруг нее явно поубавилось, а в речке практически исчезла рыба. Возможно, это связано с тем, что ушло в мир иной поколение людей верующих, поколение, жившее в гармонии с природой, и сменилось, как и везде, людьми, выросшими при советской власти с установкой: природу безжалостно покорять и власт-

зовать над ней. Рукотворная красота, которую оставили нам наши предки, совсем уже почти вся исчезла или превратилась в руины, как церковь на Божьей горе.

И сокрушалась душа в безысходности, и не верилось, что возрождение возможно. Но вот всего-то лет пять-шесть назад случилось чудо. Случилось совсем нелогичное и неестественное. На фоне всеобщего развала и разрухи не только внешней, но и в головах и душах населения, вдруг встал, как Феникс из пепла, храм Успения Божией Матери, и вокруг него стала возрождаться красота и радость. Оказалось, чудо это связано с человеком и, конечно, с верой.

Успенский храм и Парк Мира

Храм восстановлен благодаря трудам, вере и энергии

практически одного человека – протоиерея отца Вячеслава. Появился в деревне приход, и уже пятый год регулярно проводятся службы. Восстановлен не только храм, но за четыре года сформирован прекрасный архитектурно-парковый мемориальный комплекс, который объединил в одно целое воинское немецкое захоронение, Успенский храм, обустроенный храмовый родник и Парк Мира с аллеей скульптур.

Смотришь на это чудо возрождения и начинаешь понимать, как много может сделать один человек и что человеку, преисполненному верой, возможно все.

Деревенская речка

В деревне Сологубовке, в которой я в своем детстве проводил у бабушки почти каждое лето, протекает речка со странным названием Мга. С ней у меня связаны особенные странички жизни. Она, эта речка, появилась в них с момента осознания мной себя личностью. В общем, лет с трех-четырех. Потом, лет десять подряд, проходили только отчасти во дворе бабушкиного дома, а в основном на этой речке. Она дарила удовольствие от купания в жаркие летние дни и, самое главное, знакомила со своими обитателями в воде и над водой, а обитателей этих было невероятное изобилие. Все это я осознал уже в очень зрелом возрасте, повидав многое и отяготившись опытом жизни. Сейчас представляю, что тогда Кто-то открыл мне дверь в физический мир в самом прекрасном его виде, в виде природы почти девственной, не замученной неразумным человеком. Я зашел в него, приняв все как само собой разумеющееся, еще не видя и не понимая, конечно, настоящей красоты и чуда которое меня окружило.

Мне казалось, что эта речка везде, она охватывала деревню, в которой я жил у бабушки, полукругом. Так казалось потому, что бывшая усадьба князей Юсуповых воспринималась нами как часть деревни. Конечно, когда моя бабушка была молодой, и там жили помещики, частью деревни она

вряд ли ими представлялась. Теперь усадьба превратилась в отдельное деревенское чудо, и называли его все – «Парк». Словосочетание «Пойдем в парк купаться» до сих пор будит в душе самые приятные воспоминания. Так вот, этот полукруг получался только при условии восприятия усадьбы частью деревни, которая была классической, и не отличалась от большинства русских деревень. Центральная грунтовая дорога, слева и справа от нее расположены избы, на задах которых обязательный сарай, а у некоторых еще и баня. Метрах в трехстах от дороги, параллельно ей, как раз и протекала речка. Бабушкин дом был двухэтажным в четыре окна, самым большим в деревне, нижний этаж из бутовых плит, очевидно, что добытых прямо на реке, а верхний из бревна. Я так и не понял, как мой дед, всего лишь сапожник, при царях изловчился построить такой домище, да и земля, принадлежащая деду, простиралась почти до речки. Потом советская власть землю почти всю забрала, оставив сотки четыре-пять. Дом расположен почти на развилке, сразу за ним главная дорога поворачивала направо к мосту-плотине, кстати, – еще одному деревенскому чуду, разделившему речку на две части. На верхнюю, тихую, спокойную и глубокую, в некоторых местах глубиной до трех метров и нижнюю, быструю, почти горную, глубиной до одного метра. Выше плотины метрах в ста речка поворачивала почти на девяносто градусов, и такой тихой и глубокой протекала она по барскому парку, охватывая таким образом деревню.

Если идти по дороге, не сворачивать к плотине, а продолжать идти прямо, то, как раз упрешься в барскую усадьбу и выйдешь на главную песчаную аллею, слева и справа которой, растут громадные дубы и липы. Их осталось очень мало, но все же отчетливо видно, что высаживались они вдоль аллеи. Эта аллея упирается в речку. Справа от нее, при входе в парк, всего-то метрах в тридцати на пригорке расположился деревянный барский дом, ниже которого, ближе к речке, опять же стоят редкие древние дубы и липы. Местные говорят, что в войну почти половина деревьев была вырублена.

Зимой барский дом служил школой, а летом в нем располагался пионерлагерь. Одно лето моя старшая двоюродная сестра Анна работала там пионервожатой, и я, семилетний, помню, бегал туда в надежде, что она догадается завести меня в этот чудесный барский дом, и я увижу как там внутри. Но сестра всегда была окружена пионерами, занята, и в доме я так и не побывал. Как же я об этом сегодня жалею, хотя понимаю, что ситуация была для меня безнадежной. Отряд был влюблен в нее, причем и девочки и мальчики. Невозможно было не влюбиться в девятнадцатилетнюю цветущую красавицу, энергичную певунью с большими глазами и вьющимися локонами волос, спадающими на плечи. Я ревновал ее к пионерам так сильно, что подавлял в себе желание ходить туда часто.

Десять лет спустя. Анна, бывшая пионервожатая, со своей мамой в парке. За ней виден барский дом

Однажды Анна со своим отрядом затеяла поход в верховье речки в сторону деревни Петрово и взяла меня. Выше парка речка снова быстрая и каменистая, а берега там выше и плит больше. Как только с дороги повернули к реке, все пионеры кинулись бегать по плитам на берегу, особенно отличались мальчишки, некоторые цепляясь за камни, пытались залезть на крутой берег. Верховодил всеми шустрый мальчик по имени Андрей. Он забрался выше всех и замер, видно думая как спустится. Анна снизу ему кричит:

– Андрюха! Я же тебе всего два дня назад штаны зашивала. Порвешь снова, будешь ходить в рваных!

– Аня! Так я тогда случайно на сучек нарвался.

– А сейчас случайно свернешь себе голову, а головы я пришивать не умею.

Все засмеялись.

– Ладно, ладно, спускаюсь.

Андрей спустился, но сильно разодрал себе колено. Анна своим платочком принялась вытирать ему кровь, а я стоял рядом. Вдруг метрах в двадцати-тридцати от нас, девочки почти хором закричали:

– Змея!!! и подбежав к нам, сгрудились вокруг Анны.

Андрей тут же, забыв про колено, рванулся к ближайшему кусту, выломал толстую ветку и побежал в сторону змеи, к нему присоединился еще один мальчик. И начали они своими ветками колошматить змею. Мы все как замороженные смотрели на эту сцену. Закончив свою работу, они повернулись к нам, явно довольные собой. Андрей гордо произнес:

– Аня можно идти дальше, мы ее убили.

Девочки тихо стайкой, маленькими шашкам пошли смотреть, за ними и мы с сестрой. Это была большая гадюка, с красивым узором на спине, она еще шевелилась, хоть мальчишки и перебили ей туловище во многих местах и размозжили головку. Одна девочка сказала: «Фу, какая гадость!», и остальные ее поддержали. Вдруг Анна громко, чтоб до всех дошло, произнесла:

– Все ребята, поход закончен, возвращаемся в лагерь.

Девочки все согласились, мальчишки же начали возмущаться. Аня была непреклонна и повторила:

– Еще мне не хватало, чтоб кого-то из вас укусила змея.

Мы с девочками пошли к лагерю, мальчишки шли сзади

и не по дороге, а по буеракам с толстыми ветками в руках, явно в надежде найти еще одну змею, но не удалось. Когда возвращались, девочки говорили только о змеях и никто их не жалел, все считали их злом, а мальчиков, убивших гадюку хвалили наперебой. Перед входом на территорию лагеря Анна всех собрала и начала пересчитывать, а я побежал в свой двор.

Так вот, для меня речка эта была везде: в парке, рядом с плотиной и на задах собственного дома. И что интересно, одинаковым было только ее название, а на самом деле это реально были разные водоемы, в которых даже рыба водилась разная. Речку я осваивал по мере своего взросления, конечно не в одиночестве и, как это сегодня не может показаться странным, без сопровождения взрослых. На нее мы ходили всегда мальчишеской компанией. Первый кусочек реки, который я познал и освоил, понятно, был на задах моего дома. Он же оказался самым богатым на яркие впечатления, оставшиеся навсегда в моей памяти. Компании собирались небольшие, человека четыре-пять, и всегда был малыш трех-четырёх лет, чей-то брат. Как же такая компания помогала взрослению каждого. Малыш, провоцировал нас на ощущение себя взрослыми и ответственными. За ним присматривал не только родной брат, но, невольно, и все мы.

Часть речки, напротив нашего дома, была какая-то уникальная. Здесь в нее впадал ручей с ключевой водой, текущей из под Божьей горы. На ней стоял красивый полуразру-

шенный храм. Из-за ручья речка была здесь чуть шире, чем везде, метров пятнадцать-двадцать. Вода в ручье казалась нам, мальчишкам, ледяной, на самом деле летом и зимой температура ее была 6°С. Абсолютно прозрачная и чистая вода ручья постепенно смешивалась с коричневой, но тоже чистой в то время водой реки, бежавшей с торфяных болот. По речке мы ходили босиком, невзирая на обилие острых камушков на дне, и старались быстрее преодолеть участок, на котором ручей в нее впадал, ноги от холода прямо-таки сводило судорогой. Я ничего не сказал о том, что река Мга там, где я с ней познакомился, и на берегах которой провел детство, представляла собой, по сути, горную речку. Явление это удивительное и не очень понятное для равнинной местности, на которой расположена Ленинградская область. Кроме этого интересно еще и то, что дно речки – это известняковые плиты.

Речка Мга весной

Метрах в десяти-пятнадцати выше по течению от ручья с ключевой водой, располагался маленький песчаный островок. Это было одно из любимых мест моей рыбной ловли. Сколько же часов я в детстве провел с удочкой на этом островке! С него хорошо ловился пескарь и забавная рыбка под названием «Сека». Рыбка странная для наших северных рек, в чистом виде – аквариумная, мелкая, размером с кильку, самочки серенькие, невзрачные, зато самцы пестрые до невозможности, синекраснозеленые красав-

цы и значительно крупнее самок. Ловилась она очень хорошо, но местные жители, видно из-за радужного цвета, остерегались употреблять эту рыбку в пищу, собственно также как и миног, которых в какой-то период лета в изобилии несло течением. На вопрос: «Миноги говорят вкусные. Почему не ловите?». Ответ был короткий: «Еще чего! Мы змей не едим». Правда в деревне жил дед Тима, который, невзирая на мнение общественности, иногда просил меня наловить для него сек. Уху из них он варил себе персонально и хорошо себя чувствовал. Бабушка любила уху из пескарей, вдобавок к ним я всегда приносил с пяток горбатеньких полосатых окуней или синеглазых ядреных сопливых ершей, так что уха получалась особенная, сборная. Услышав от своих городских родственников, что миноги – деликатес я как-то вознамерился попробовать их. Поймал с десятков и решил поджарить на летней уличной печи. Растопил ее, сходил в дом принес сковородку и масло, миног разрезал пополам и только сложил на сковородку, как во дворе появилась бабушка и тут же направилась ко мне. Увидев, чем я занимаюсь, ловко сняла сковородку с печки и со слезными причитаниями: «Глянь, бес какой! Опоганил мне сковородку змеями! Как есть опоганил!», выбросила всех моих миног курям и котам. Я немного огорчился, но принял смиренно. С бабушкой никогда не спорил.

Не знаю почему, но нам, мальчишкам, больше нравилось рыбу ловить не на удочку, а колоть ее вилкой. Может по-

тому, что вилкой был реальный шанс днем добыть налима, а он считался самой знатной добычей. В этой реке некоторые рыбы вели ночной образ жизни, а днем спали под плитами. Много в ней водилось речных бычков, которые по одному или даже по два сидели под каждой плитой на дне реки. Бычки были двух видов. Один песчаного цвета, похожий на пескаря, называли мы его лежаком, а другой – настоящий бычок: черный, головастый с громадными плавниками у самой головы. Эти рыбки большими не вырастали, максимальный размер сантиметров двенадцать. Их страшенький вид домашних котом не смущал, и они бычков явно почитали за деликатес.

Главное было выпросить у бабушки подходящую вилку: большую, обязательно стальную и с острыми зубцами. Для меня бабушка не пожалела вилку старинную, должно быть еще дореволюционную. Технология ловли простая. Закатываешь повыше штанины своих семейных трусов, других тогда не было, и босиком заходишь в речку. Подходишь к плите, лежащей на дне, аккуратно ее поднимаешь и переставляешь вниз по течению. Бычок или налим уплывает не сразу, некоторое время он, ошалевая от света, не движется. За это время надо успеть рыбку наколоть на вилку. Если удастся заколоть вдобавок к бычкам пару налимчиков грамм по 200—300, то бабушке уже уха и котам праздник.

Однажды на выходной приехала мать с моим двухлетним младшим братом. Мне тогда было десять лет. Одеты они бы-

ли очень нарядно, на брате пестрая цветная рубашечка с короткими рукавами и, еще пестрее рубашки, на ляпочках коротенькие штанишки, перетянутые резиночками на каждой ноге. На голове у него была белая шапочка с маленьким козырьком. Мать любила «пускать пыль» в глаза деревенским подругам и, приезжая на родину, одевала всегда самое лучшее. Строго наказав мне, чтобы я смотрел за братом, и что если он запачкается мне не сдобровать, ушла к какой-то подруге детства. Сказала что на часок, но мать я знал хорошо и понимал, что этот часок растянется на два-три. Компания моих парней ушла к плотине, и мне было очень тоскливо. Брат ковырялся в куче опилок и стружек у козел, на которых пилили бревна, а я сидел на скамейке у стены дома и с неприязнью смотрел на него. Тут во двор заходит Петр, мой двоюродный брат, только что вернувшийся из армии. Служил он на флоте и по деревне ходил обязательно в тельняшке. Петр стосковался по родной деревне и близким, рвался всем помочь и во всем поучаствовать, будь то работа или гулянка.

– Мать где? – обратился он ко мне.

Первым отреагировал на вопрос мой младший брат:

– Там! – глубокомысленно молвил он, показав пальчиком на дорогу.

Петя улыбнулся:

– Ну вот! Пока служил, у меня еще один брат появился на белый свет. Сережкой назвали, хорошее имя. У меня вот на корабле друг остался, тоже Серега, ему еще год служить.

– А я знаю где? – ответил я, – пошла к какой-то своей подруге. Думаю, часа через два вернется.

– Слушай, Жень! Бабушка мне сказала, что ты редко когда приносишь налимов. Давай сходим пока на речку, я тебе покажу место, где их под плитами много. Тащи на всякий случай вилку.

Я, понятно, обрадовался, и мигом слетал в сарай за вилкой. Место это оказалось не так далеко от того, где ловил я, метрах в трехстах ниже по течению. Там у самого берега лежал прямо в воде громадный плоский булыжник, а перед ним на берегу натоптана площадочка. Должно быть, женщины сюда ходят полоскать белье, подумал я.

Петр скинул брюки, засучил рукава тельняшки, взял у меня вилку и пошел в воду. Я остался с братом на берегу, оценивая речку в этом месте. Действительно, здесь было глубже, и плиты на дне лежали явно крупнее. Вдруг Петя, приподняв очередную плиту, начал энергично звать меня рукой. Посмотрев на малого, который мирно ковырялся на берегу в песке, я быстро пошел по воде к Пете. Тот глазами показал под плиту, там между двух небольших камней дремал налим, какого мне ловить еще не приходилось, не меньше чем на полкило весом.

– Подержи плиту, – прошептал Петр.

Я схватился за нее и тут боковым зрением увидел, что течением ко мне несет красивый большой цветной мяч. Оглянулся и тут же понял, что это совсем не мяч, а надутые пу-

зырем праздничные штанишки моего брата, голову же его не видно, она под водой. Я схватился за эти штанишки и поволок брата к берегу. Сзади тут же на берег выскочил Петр. Он поднял Сережу за ноги вниз головой, а я начал стучать его по спине. Все это мы делали молча, не разговаривая, по какому-то наитию. Малыш напыжился, изо рта и носа вытекло немного воды, он начал кашлять, а потом истошно на всю реку закричал. Петя положил его на свои брюки, предварительно вытащив из кармана портсигар и спички, с каким-то отрешенным видом сел рядом на траву и закурив, сказал:

– Чуть не загубили малыша. Пять лет плавал на военных кораблях и никогда так не пугался.

В метре от меня в траве ворочался налим, рядом валялась моя вилка, а мне первый раз было это совсем не интересно. Я пытался успокоить своего младшего брата, уж больно сильно он плакал. Подключился и Петр, начал крутить перед его глазами свой портсигар, с выгравированном на крышке военным кораблем, тот быстро успокоился и потянулся к нему. Петр отдал, улыбнулся и уже весело посмотрел на меня:

– Видишь, Жень, брательник то курильщиком будет, ну уж моряком-подводником – это точно.

– Тебе смешно, а мне мать колотушек надает.

– С какой стати! Ты не рассказывай. Смотри, какое горячее сегодня солнце, через полчаса на нем все высохнет.

Я посмотрел на малого. Тот уже о своем заплыве забыл

и увлеченно возюкал отполированный до блеска портсигар по Петиным брюкам.

– Петь, а Серега то тебе теперь портсигар не отдаст.

– Отдаст, запросто. Я отбирать и не буду, а обменяю на конфетку барбариску, которая лежит у меня в кармане.

Удивительно, но все получилось, как сказал Петр. Серега охотно обменял портсигар на конфету, одежда действительно высохла быстро, а мать про этот случай так ничего и не узнала.

Если жизнь бурлит в воде, то не в меньшей степени она процветает и над ее поверхностью. Над водой и над высокой осокой по берегам летает бесчисленное количество стрекоз: больших, классических, и маленьких, почему-то синих. Оказываются стрекозы очень полезные: они поедают кровососущих насекомых, а сами являются пищей для птиц и рыб.

Мимо такого количества корма птички, понятно, пролететь никак не могут. Их радостный гомон – естественная музыка улаждающая ухо каждого рыбака. Над водой носятся ласточки-береговушки, а по берегу, подергивая длинным хвостом, бегают белые трясогузки. Иногда можно увидеть и куличка. Невозможно не отметить обилие соловьев, живущих в кустах вдоль реки. В начале лета, ночами, они улаждают слух жителей деревни. Как же приятно засыпать на сеновале под трели соловьев. Такая маленькая невзрачная серенькая птичка нам, людям, наглядно демонстрирует, что талант никак от внешности не зависит.

Я писал о том, что плотина делит реку на две части. На самом деле сама плотина сформировала и третью часть. Это водоем, который получился естественным образом под плотиной, внешне он напоминает озеро, поскольку вода, падая с плотины, не убегает одним сплошным потоком, а натываясь на большой остров из известняковых плит, делится на два рукава, огибающих этот остров. «Озеро» – единственное место на реке где водится голавль. Больших голавлей я не видел, но зацепить на стрекозу или кузнечика даже полукилограммового сильного красавца – великая радость и удовольствие. Кроме этого под плитами острова обитали самые крупные налимы в реке. Однажды мне удалось поймать экземпляр весом явно больше килограмма, взвесить, к сожалению, не удалось.

Выше плотины река тихая, широкая и глубокая. На нее ходили ловить плотву и щук, а еще мы, мальчишки, любили там купаться.

Плотина стояла совсем не для того, чтобы разнообразить нам там, в деревне, времяпрепровождение. Она имела сливной канал, в котором стояла турбина и электрогенератор, вырабатывающий электроэнергию для всей деревни. Управлял этим хозяйством старик, которому до революции принадлежала мельница. Иногда ночью он поднимал шлюзы и спускал воду. Выше плотины образовывались лужи, в которых было много зазевавшейся рыбы. Дедом он был добрым и всегда давал знать нам, мальчишкам, когда будет проводить эту опе-

рацию. В этот день мы вставали в шесть утра и бежали к плотине. Крупную рыбу дед в этих лужах собирал себе в корзину, а мелкую оставлял нам.

Конечно, иногда не замечал он в глубоких лужах и крупную рыбу. На обследование луж у нас было час-полтора. Собрал рыбу, дед тут же опускал шлюзы, вода быстро пребывала, и лужи соединялись с рекой.

Повзрослев до состояния старшего школьника, я стал реже бывать в деревне, но память об этом прекрасном природном мире осталась в душе навсегда. Последняя встреча с ним была в 1969 году, после того как я окончил четвертый курс института. Как-то за пивом со своими двумя студенческими приятелями меня накрыла ностальгия по детским временам, связанным с речкой Мгой, и я начал им рассказывать о тех своих детских впечатлениях. На удивление друзья внимательно слушали, потом один из них вдруг сказал: «Жека, это так интересно. Я был бы не прочь такое увидеть и ощутить?». Мы тут же договорились на трехдневный поход вверх по речке Мге от самого его устья, от места впадения реки в Неву.

На 440-м автобусе, который ходит из Питера в Кировск, по дороге, идущей по левому берегу Невы, рано утром мы доехали до остановки Река Мга, вышли и тут же пошли вверх по левому берегу речки Мга. Надо сказать, что погода благоприятствовала, за три дня не было ни дождя, ни жары, ну а то, что нас заедали комары, воспринималось как есте-

ственная плата за удовольствие от похода. Сгоряча мы много прошли в первый день и палатку разбили на берегу реки напротив деревни Пухолово, это от моей деревни всего в семи километрах. До темноты изловчились наловить удочками рыбы на уху. Прекрасно провели вечер у костра, наговорились, выспались, а рано утром продолжили свой поход. Для меня это было особенно ценно, удалось увидеть и прочувствовать речку Мгу от ее устья до княжеского парка. В середине дня мы в этом парке уже разбили свою палатку, договорились с двумя купающимися мальчишками, что они посмотрят за нашим хозяйством, и тут же пошли на экскурсию. Осмотрели плотину, постояли на ней, послушали шум падающей воды. Сходили к полуразрушенной Успенской церкви и обошли ее вокруг. Внутрь зайти не удалось, дверь была на замке, купол еще не рухнул и храм последний год служил колхозу складом химических удобрений.

Надо было подумать об ужине, и мы вернулись к своей палатке. Мальчишек поблагодарили и выдали им по шоколадке. Потом искупались, я взял спиннинг, парни удочки и мы пошли за добычей. В течение часа я зацепил на блесну щучку, а мои друзья поймали с десятков плотвичек и окушков. Вечер опять провели у костра за разговорами. Обсуждалась тема приезда сюда еще раз специально за налимами, а еще наметили мы подняться выше по реке к деревне Петрово. На следующий день, выспавшись, утром мы поплавали в речке, собрали вещи и пошли на остановку автобуса.

Все были довольны, считали, что разведка боем прошла успешно. Однако планам нашим сбыться было не суждено, более того, мог ли я подумать, что находился в контакте с живой речкой Мгой последний раз в своей жизни. Все начало рушиться буквально через два-три года.

В деревне два старых погоста, на одном хоронили православных, а на другом старообрядцев. Оба расположены на высоком берегу реки рядом с мостом-плотиной. Ежегодно в Троицу помянуть ближних собираются на них сотни людей. Однажды Троица выдалась жаркой. Это обстоятельство не отменило советскую традицию крепко выпивать на могилах родственников. После поминок многие пожелали освежиться в реке. К несчастью одному человеку выплыть не удалось. Как часто бывало в советские времена, реакция власти на это событие оказалась самой бестолковой. Секретарь райкома приказал демонтировать шлюзы и спустить воду. С этого действия человек начал уничтожать ту уникальную природу, которая естественно сформировалась в речке Мге и вокруг нее. Уже через два-три года после этого на всем протяжении реки Мги ее берега стали отдавать в собственность дачникам, совсем не учитывая национальную особенность нас, русских, гадить под себя. Речка оказалась слишком маленькой, чтобы выдержать такой объем грязи, сливаемой в нее.

Вот что сегодня осталось от дамбы и старого моста

Оказалось, что не только меня очаровала эта река. Вот какое стихотворение под названием «Река Мга» написала Марина Тарнопольская:

Из мглы Синявинских болот,
Как узенькая строчка,
Летит стремительный поток —
Невы шальная дочка!
Скрипит над ней висячий мост,
Вдоль берега тропинки,
И стайка озорных стрекоз
Уселась на кувшинки.
Извилиста, не глубока,

Короткое названье,
Но эта речка, речка Мга —
Само очарованье.

Явно стихотворение было написано еще про живую реку. Через некоторое время был построен новый мост, а мост на дамбе демонтировали.

К 2004 году был восстановлен Успенский храм на Божьей горе. Я воцерковился и став его прихожанином регулярно приезжал туда на праздничные и воскресные службы. Проезжая по новому мосту, на речку и на остов плотины старался не смотреть, это было для меня слишком тяжело.

Родня моя бабушкин дом и землю продала. В душе после этого начало зарождаться отчуждение к родной деревне, и я, чтобы всколыхнуть те приятные чувства, которые еще во мне жили, как-то летом после Литургии пошел проведать то место, где я когда-то колол вилкой рыбу и где был тот легендарный песчаный островок, вокруг которого крутились пескари и секи. К самому берегу подходить не стал, заранее почувствовав неладное, остановился метрах в десяти. Островок был на месте, но любимая речка умерла, кроме журчания водяных струй других звуков не было, над ней ничего не летало, ни стрекоз, ни птиц. В воду можно было не заглядывать, издалека видно, что в ней нет ничего живого. Даже кусты по берегам имели больной, чахлый вид.

По деревне еще бегали мальчишки, но их было намного

меньше, чем во времена моего детства и я не видел их на реке. Они растут и ничего не знают о том, какое чудо, какая живая и прекрасная была совсем недавно эта деревенская речка.

Синявинские карьеры

Родился я и вырос на берегу Невы и всего в восьми километрах от Ладоги. Сколько же радости за свою жизнь получил от купаний, рыбной ловли и созерцания в разное время года и суток этих красивейших водоемов. Однако сейчас, на старости лет, память моя парадоксальным образом ставит впечатления от моих посещений Синявинских карьеров на первое место. Может потому, думаю, что правильнее назвать это нужно даже не посещениями, а путешествиями, хотя пути до них было всего двенадцать километров по лесной дороге, но какие же чудные были эти километры! Сказочные путешествия, да и только, обязательно с приключениями. Удивителен такой парадокс моей памяти еще и в том, что посещал я эти карьеры на протяжении всего десяти лет, первое мое путешествие туда состоялось в 13 лет, а последнее в 24 года. Невой же и Ладогой наслаждался практически всю жизнь. Да что же это за феномен такой – Синявинские карьеры!?

В 30-е годы развивающейся промышленности Ленинграда требовалось все больше электроэнергии, пущенная в эксплуатацию к тому времени Волховская электростанция уже не справлялись с возросшими энергетическими мощностями растущего города. В 1931 году на левом берегу Невы, а это на территории Невдубстроя, городка, где я родился, на-

чинается строительство тепловой электростанции, топливом которой должен был стать торф с расположенной поблизости Синявинской торфяной залежи.

Происхождением своим карьеры обязаны интенсивным торфоразработкам, которые велись в этих болотах в прошлом веке, начиная с 1928 года.

Синявинские карьеры

Результатом этих разработок стала группа карьеров протяженностью примерно 11 километров с юго-запада на северо-восток, а по ширине до 3 километров. Представляют они собой ровные прямоугольники в среднем 30x80 метров, а получились такими вследствие применяемой в то время

технологии добычи торфа гидроспособом. Разделяют прямоугольники, так называемые бровки, метров по пять шириной. По ним ходят рыбаки и охотники. Все бровки на карьерах заросли березами. Осенью из-за этого карьеры представляют собой удивительно красочное зрелище. Желтые березы и даже поверхность воды покрыта желтыми листьями, все окружающее тебя пространство кажется золотым. В солнечный день это золото светится и переливается из-за ветра, который колышет березы. Картинка фантастическая.

Идя по бровкам со спиннингом, порой выходишь и к большим линзам воды, примерно 400x500 метров, иногда с островами, заросшими мелколесьем, наверное, до начала торфоразработок представляли они собой озера. На них самая большая на карьерах глубина, до двух метров, и только там водятся окуни. Зимой по первому льду мы ловили окуня, конечно, на озерах. Есть озеро, которое рыбаки называют Негритянским морем, там почему-то очень темный торф и щука, пойманная в этом озере, с черной-черной спиной, как головешка с пожара. Забавен диалог между рыбаками, явно непонятный для рыбака незнакомого с карьерами. На бровке встречаются двое знакомых со спиннингами в руках. Один спрашивает:

– Саня, ну как сегодня?

– Плохо, Коля. Иду домой. Руки отмахал и всего-то взял пару карандашиков-негритят.

Вообще глубина карьеров от 0,5 до 1,5 метра. Мелкий во-

доем, дно – торфяник, ил и много растительности – это любимое место обитания карася! Карась там, в основном красный, но попадается и серебристый. В большинстве своем ве- сом до 250 грамм, ловятся и более крупные экземпляры. Отец мой однажды поймал карася, который потянул целых 1600 грамм. Еды для карася много, поэтому и большие, и маленькие карасики жирные и вкусные. А чтобы карась не дре- мал, в карьерах окуня и щуки предостаточно, но они неболь- шие. Пойманная мной самая крупная щука потянула ров- но килограмм, а окуня больше 300 грамм поймать ни разу не удалось.

Может быть, такое теплое чувство к Синявинским карье- рам поселилось в моей душе потому, что в детстве они ока- зались той «буренкой», которая вскормила меня, а в юности насыщали красотой и необходимыми для того возраста при- ключениями. Все детские годы и дома, и на улице я только и слышал: карьеры, карьеры, карьеры. Они кормили не толь- ко меня, но и многих взрослых. Отец регулярно ходил ту- да с мережами, а осенью, когда открывалась охота, брал еще и ружье. Ходил пешком и, как правило, с ночевкой. Караси и щуки были на нашем столе почти круглый год, а с конца августа к ним добавлялась еще и дичь.

Интересно, что первый и последний раз меня доставили на карьеры мотоциклом, а все остальные разы моим конем был велосипед. Как только я слегка подрос, начал приста- вать к отцу с просьбами взять с собой на карьеры. Он слу-

шал и отмалчивался. Мне было уже тринадцать, когда в конце августа отец вдруг объявил, что он с приятелем едет мотоциклом с коляской на открытие охоты, на карьеры, и они решили взять меня.

Как же я был рад, тем более, что мы едем с ночевкой. Провести ночь в лесу у костра с охотниками – это была моя мечта. Целый день потратил, налаживая спиннинг и подбирая блесны.

Вечером, как только отец вернулся с работы, я тут же начал выяснять про ночевку у костра. На что он сказал, что ночевать будем в доме лесника. Услышав это, я даже чуть расстроился. Тогда мое сознание воспринимало ночевку в лесу у костра – как что-то очень романтическое. Все свое детство, встречая отца с охоты, я ощущал исходящий от него этот запах костра и леса, который казался мне самым вкусным запахом на свете. Я уже представлял себе, как об этой ночевке расскажу пацанам во дворе, и даже запланировал надеть куртку, в которой буду у костра, чтобы и они почувствовали этот волшебный запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.